

а н д р е й

ТРОИЦКИЙ

ЗАБЛУДИВШИЕСЯ

Стигма
ПРЕСС
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Андрей Троицкий
Заблудившиеся

«Андрей Троицкий»

1994

Троицкий А. Б.

Заблудившиеся / А. Б. Троицкий — «Андрей Троицкий», 1994

Это не триллер и не боевик, но без криминала и здесь не обошлось. Это рассказ о людях и нравах Москвы девяностых годов. Главный герой бизнесмен Виктор Сайкин, – натура сложная и противоречивая. Он имеет все, о чем другие люди только мечтают, но ничем не дорожит и сам не может решить, что ему нужно, к чему следует стремиться, а на какую дорогу лучше не заходить. Волею случая Сайкин сталкивается с писателем Алексеем Пашковым, эта встреча навсегда изменит их жизни. Сюжет развивается не очень быстро – таков внутренний ритм книги.

© Троицкий А. Б., 1994

© Андрей Троицкий, 1994

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	34
Глава 6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Андрей Троицкий

Заблудившиеся

Глава 1

Жизнь писателя Алексея Дмитриевича Пашкова переменялась, когда порог его комнаты переступил человек, назвавшийся Виктором Сайкиным, членом попечительского совета при одном крупном московском издательстве. Пашков удивился, он никогда не слышал о попечительских советах при издательствах, кроме того, писателю с трудом верилось, что его имя еще кто-то помнит.

Он пропустил гостя в комнату и предложил свое кресло, разглядывая дорогой твидовый пиджак посетителя и яркий шелковый галстук с абстрактным рисунком. «Красть у меня все равно нечего», – решил Пашков, и волнение немного улеглось. Гость поерзал в кресле, закинул ногу на ногу, спросив разрешения, закурил и начал вежливо расспрашивать Пашкова о жизни и здоровье. Пашков честно отвечал, что все плохо, и стал гадать, зачем к нему явился этот щеголеватый мужчина.

– Да, есть грех, забываем мы о заслуженных ветеранах литературного производства, – сказал Сайкин.

Пашков сморщился. Роль ветерана производства ему претила, своих заслуг перед литературой он припомнить не мог. Глядя то в серый потолок, то на рассеянный свет весеннего солнца за окном, то на яркий галстук посетителя, он сгорбился на стуле, думал и не мог решить, какая нелегкая занесла к нему этого Сайкина.

– Время сейчас такое, людям не до вечных ценностей, все суета, поиск мгновенной выгоды, – говорил Сайкин. – О тех, кто стоял у истоков, если хотите, современной сегодняшней литературы, мы, к сожалению, не помним.

– Да уж, – сказал Пашков не к месту. – Не помним.

– Но мало-помалу все встает на свои места, – продолжил мысль Сайкин. – Приходит время отдавать долги.

– Простите, вы в газете в прежние времена не работали? – перебил Пашков.

– Нет. А с чего вы это взяли?

– Ну, фразы у вас какие-то, – Пашков зашевелил пятерней, – Какие-то штампованные.

– Вот оно, чуткое писательское ухо, – одобрил Сайкин неожиданное наблюдение. – Вращаюсь среди чиновников. Поневоле наберешься от них бюрократизмов, всяких штампов. Вы с живым русским словом дело имеете, А мы несколько... – Сайкин откашлялся, – Закостенели мы несколько. Ну, да будем исправляться. Под вашим влиянием.

Сайкин снова откашлялся, закурил новую сигарету и начал объяснять Пашкову задачи попечительского совета, главной из которых остается помощь, в том числе и материальная, писателям преклонного возраста, переживающим нелегкие времена.

– Ведь вы нуждаетесь? – спросил Сайкин, заглядывая в глаза Пашкову. – Впрочем, кто сейчас не нуждается. Так вот, уполномочен выдать вам некое единовременное пособие. – Он вытянул из внутреннего кармана пиджака белоснежный конверт. – Обойдемся без формальностей, без всяких там расписок и подписей. Деньги невелики. Это скорее не материальная помощь, а знак того, что о нас помнят.

Сайкин протянул конверт Пашкову. Взяв конверт, Пашков попробовал на ощупь, толстый ли, наконец, чувствуя на себе доброжелательный взгляд Сайкина, открыл его и увидел несколько крупных купюр.

– Я же говорю, деньги невелики, – улыбнулся Сайкин. – Это просто знак внимания. Не более того.

На языке Пашкова вертелся десяток вопросов, но все они были как-то не ко времени. Он сложил конверт вдвое, встал со стула и, убрав его в дальний ящик стола, вернулся на место. Сайкин продолжал улыбаться.

– Так, значит, обо мне еще кто-то помнит? – спросил Пашков.

Он был растроган. Первое недоверие к Сайкину почти исчезло.

– Я думал, в этом сундуке с нафталином, – Пашков обвел взглядом комнату, – меня никто не найдет. Искать никто не будет.

– Как же, чтобы вас и не помнить? – удивился Сайкин. – Конечно, вас помнят. Правда, не многие. У вас, если не ошибаюсь, опубликована только одна книга?

– Да, только одна-единственная книжка. Рассказы и повесть. Очень давно дело было. Тираж большой по нынешним временам, но что толку.

Пашков вздохнул. Говорить о своей единственной опубликованной книжке ему не хотелось.

– Понимаю, – Сайкин склонил голову набок. – Но наступают другие времена. Писатели возвращаются к нам. То, что хранилось под спудом в силу, так сказать, объективных обстоятельств, теперь занимает почетное место на книжных полках.

– Не знаю, не знаю, какое там место кто занимает, – усомнился Пашков и достал из мятой пачки папиросу. – Я отстал в этой области.

– Жаль, что отстали, литературный процесс набирает обороты. – Сайкин сделался серьезным. – Но мне почему-то кажется, что все эти годы вы не сидели, сложа руки. В вашем рабочем столе наверняка есть вещи, которые интересуют издателей. – Сайкин посмотрел на колченогий стол у окна. – Вижу, его прямо распирает от рукописей. Да, пора бы вам возвращаться в литературу.

– Было б с чем возвращаться. – Пашков поскреб затылок. Он верил и не верил в свою удачу.

– Не прибедняйтесь, вижу, – Сайкин продолжал смотреть на письменный стол, – вы не зачехлили пишущую машинку. Значит, работаете и по сей день. Правильно. И вы дождались своего часа. Правда, ничего конкретного я пока обещать не могу. Нужно посмотреть, посоветоваться со специалистами. Знаю, вы относитесь с уважением далеко не ко всем литераторам. Но, уверяю, сейчас ситуация в издательском деле меняется к лучшему. Появилось много новых людей, грамотных и, главное, честных.

Сайкин ушел от Пашкова, держа под мышкой папки с повестью и рассказами.

– Это не лучшие мои вещи, но они мне по-своему дороги, – сказал Пашков, провожая Сайкина до входной двери.

– Это неважно, лучшие не лучшие, главное, убедиться, что ваше перо не затупилось. – Сайкин потряс руку писателя и обещал зайти через неделю.

* * *

Сайкин не обманул, появился в комнате Пашкова в назначенный срок.

– По сущности я идеалист, – сказал Сайкин, устроившись в кресле. – Всегда думал, если человек пишет что-то толковое, то и печататься можно. Увы... Я слишком обольщался, – Сайкин закурил и попросил чашку кофе.

– Так я и знал, – сказал Пашков, когда кофе был допит, – Моя писанина по-прежнему никому не нужна.

– Не огорчайтесь. Как известно, выход есть из любого положения.

Сайкин встал с кресла, прошелся от окна к двери и обратно, сдвинул в сторону горшок с комнатным растением, уселся на подоконник. Сайкин начал говорить. Его выступление продолжалось добрых четверть часа.

– Словом, вы предлагаете мне отказаться от своего авторского права на мои, если так можно выразиться, произведения, передать это право вам? – ошарашено спросил Пашков, когда Сайкин закончил.

– Вы правильно схватили суть моего предложения.

Сайкин сидел на подоконнике, вытянув ноги и стряхивая пепел сигареты на давно немытый пол. Он изучающим взглядом смотрел на писателя, словно прикидывая, сколько стоит этот субъект с серым лицом затворника, вернее, не он сам, а та писанина, что покоится в шатком письменном столе, на полках и антресолях. Сколько стоит та писанина, которую этот серый книжный червь еще способен сочинить. Итак, сколько? Судя по нищенской обстановке комнаты, недорого. Хотя это совсем не главное.

У Сайкина не было уверенности, что перед ним сидит человек, вообще способный написать что-то стоящее. Кроме того, Сайкин инстинктивно не доверял людям, не следящим за своей внешностью, опустившимся, физически слабым. Он смотрел на писателя, и вопросы, вчера еще окончательно решенные, сегодня снова казались ему спорными. Стоит ли вообще связываться с этим человеком? – спрашивал себя Сайкин, пуская в потолок струйку табачного дыма.

Не лучше ли поискать другого писаку, согласного за умеренную плату продавать свои опусы? Может быть, подошел бы какой-нибудь молодой человек или небольшая литературная артель перспективных, подающих надежды писателей, не способных в силу обстоятельств пробиться к успеху и деньгам. Такая мысль уже приходила ему в голову, и всякий раз он отвергал эту затею как слишком рискованную.

Неудовлетворенное тщеславие молодого литератора – опасное чувство, оно может оказаться сильнее любви к деньгам, может толкнуть на измену, предательство, на самый гнусный, непредсказуемый поступок по отношению к нему, Виктору Сайкину. И тогда... Наделенный живым умом, он отчетливо, в деталях представил себе, что будет «тогда». Особенно неприятно, если этим делом заинтересуется – а такое возможно – какой-нибудь ядовитый газетный репортерша.

И Сайкин уже видел перед глазами грошовую статейку, где его поносили, били, издевались над ним, называя создателем артели литературных рабов, палачом молодых дарований. А заложивший его тщеславный молокосос выглядел чуть ли не героем, вытирающим слезы праведного гнева у ора собственного литературного имени.

Сайкин погасил сигарету в цветочном горшке и посмотрел на Пашкова ласковыми глазами. Этот, видно, не предаст, выдержит испытание чужой славой. Этот Пашков, оставив в прошлом молодое тщеславие, такое опасное, не вытрет о Сайкина ноги. Но вот вопрос, не дающий покоя: сможет ли этот серый сморчок создавать вещи высокого художественного достоинства? Иное качество Сайкина не устраивало. От этих бессмысленных вопросов начинала побаливать голова.

* * *

Повесть, что он в прошлый раз брал у Пашкова, просмотрел известный литературный критик и благосклонно о ней отозвался. Но искренность этого человека внушала серьезные сомнения. Можно ли говорить об объективности оценок, если критик получил за свой лестный отзыв хороший гонорар. А он, Сайкин, имел глупость сболтнуть, что вещь эту написал лично он. Да, объективной оценки здесь не жди. Сам же Сайкин, прочитавший повесть внима-

тельно, нашел ее довольно скучной и окрестил стариновским рукоделием. В этой тяготеющей повести, – и это вызывало возрастающее раздражение, – почти ничего не происходило.

Как бишь она называется? «Штормовое предупреждение» – вот как. Действия нет, одни размышления, да и те пустые. Уже немолодой человек приезжает в приморский городок, опять же неизвестно зачем – догадывайся сам. Осень, непогода, и он слоняется по улицам и пляжам под дождем, заходит в полупустые забегаловки. Что-то связывает героя повести с этим городком, с теми местами, где он бывает. Но что связывает? Ностальгия по ушедшей молодости, тоска от бестолково прожитой жизни, которая могла пойти иначе.

Совість его нечиста, это ясно, все остальное – сплошной туман. Вот он ходит, вспоминает, слушает беспокойные волны, пьет вино, в голове у него какие-то неясные мысли и образы. Да и может ли, в голове полупьяного человека родиться что-то связанное? Кого-то он хочет встретить в этом городке, кого-то ищет. Хочет что-то сказать этому человеку, о чем-то предупредить. Но их пути не пересекаются. А может быть, человека, которого ищет герой повести, и вовсе нет в этом городе, может быть, его нет в живых. Непонятно.

Последнюю ночь этот мужик проводит с девицей, которую накануне подцепил в ресторане, с дешевой потаскушкой. Ей он открывает душу, рассказывает о первой любви, а потом засыпает, разочаровав свою гостью. Утром он уезжает неизвестно куда. Вот и вся повесть, пустая, ни с чем пирожок.

Рассказы понравились Сайкину куда больше. В рассказах были события, характеры, действие. Взять вот тот, последний: «Под одним одеялом с дворником». Семейная драма, где причиной разлада, а потом враждебности между супругами становится профессия главы семейства. Жена, стараясь ударить мужа побольнее, повторяет ему: «Лучше спать с веником, чем с тобой». Смягчается она лишь в дни получки, дворник неплохо зарабатывает.

Этот малый, дворник, слишком поздно понимает, что его семейная жизнь кончилась давно, когда он ушел из научного заведения, где за работу почти ничего не платили. Ему хотелось выбраться из нужды. «Мужчина должен быть тщеславным, – говорит жена. – Он должен карабкаться вверх по склону к своему успеху, к своей победе, сдирая ногти. А ты прописался на помойке – тебе это нравится. Лучше бы мы оставались нищими, но имели шанс хоть когда-нибудь подняться». «Такого шанса не было, – отвечает муж, – Я ничего бы не добился в науке, а теперь и подавно отстал».

Он говорит правду. Она знает, что он говорит правду. Она знает, что в науке он вряд ли бы достиг значительных высот. Но она не может простить мужу, что он так легко сдался. Она презирает себя за то, что живет с таким ничтожеством. В общем, все заканчивается на грустной ноте.

Этот рассказ Сайкину понравился, хотя он не любил грустные реалистические истории: он встречал немало стержневых женщин. Сайкин решил, что рассказ жизненный. Все закономерно, все логично: в финале рассказа женщина успокаивается с другим мужчиной. Он водитель, работает на персоналке. Но женщина довольна, она отомстила бывшему мужу и самой себе.

Сейчас здравый смысл звал Сайкина к осторожности. Следовало до времени не раскрывать карты, изучить другие вещицы Пашкова, проконсультироваться с именитыми литературоведами, не пожалев лишнего времени и денег. Но азарт игрока, уже сделавшего ставку на темную лошадку, нетерпение тщеславной натуры камня на камне не оставляли от всегдашней трезвой расчетливости и видимого благоразумия.

В конце концов, связавшись с этим, а не другим писателем, он ничем не рискует, случись непредсказуемые осложнения, а Сайкин был готов ко всему, этот старикашка не посмеет и рта раскрыть. Духа не хватит. Сайкин пересел в кресло, положил ногу на ногу. Он достал новую сигарету, предложил Пашкову, но тот отказался.

* * *

– Вы правильно поняли мое предложение, – повторил Сайкин. – Возможно, оно показалось вам несколько странным, неожиданным. Ведь так или я ошибаюсь?

Пашков кивнул, словно подтверждая, что предложение действительно странное. Сайкин улыбнулся.

– Я человек откровенный, прямой, изъясняюсь просто, без околичностей. – Сайкин распростер руки, будто хотел обнять Пашкова. – Так вот, вкратце суть вопроса такова: у вас есть товар. Рассказы, повести, романы, ваша писанина, которой некультурный человек разве что печку бы растопил.

Сайкин, заскрипел креслом, встал на ноги, прошелся по комнате и устроился на подоконнике.

– Легче написать десять новых книжек, чем издать одну, уже написанную. Хотя вы и порвали все отношения с издателями, работать вы не бросили. Правда, возникал прозаический вопрос: на какие средства существовать? Чем платить за эту комнату, за свет, нужны и носильные вещи. Не в Африке же мы живем. Финансовый вопрос оставался открытым. Но вы решаете его талантливо, творчески. Садитесь на шею родного брата: он таксист, прилично зарабатывает, пусть поделится с родным человеком из любви к высокому искусству. Он делится, он добрый. Как видите, мне и это про вас известно. Я правильно излагаю?

Пашков вместо ответа неопределенно замычал и глубоко затянулся папиросой.

– Сперва вы для вида, чтобы сохранить лицо, отказываетесь от денег брата. Позволяете ему себя уговорить и наконец соглашаетесь принять помощь, изображая на лице внутреннее борение.

Сайкин встал с подоконника и прошелся по комнате. Пашков продолжал молчать, ему было интересно, много ли знает о нем этот пижон.

– Конечно, вы не дошли до полного иждивенчества. Два-три месяца в году, чтобы не сесть окончательно на шею брата, вы подрабатывали. Трудились дворником, ночным сторожем, кажется, в булочной.

– Были силы, работал дворником, верно, – кивнул Пашков, раздумывая, выгнать ли Сайкина немедленно или слушать дальше.

– Впрочем, к чему я все это рассказываю? Подвожу черту. У меня есть все основания полагать, что в обозримом будущем ни одно издательство не включит ваши произведения в план. Я же предлагаю выгодную во всех отношениях сделку. Предлагаю купить у вас некоторые вещицы, а хотите, сразу все оптом. Постараюсь пристроить их где-нибудь, естественно, под своим именем. В конце концов, какая разница, под чьей фамилией будут опубликованы эти вещи. Это мое первое предложение. За ним могут последовать и другие, не менее интересные.

– А если я откажусь? – Пашков посмотрел на Сайкина с интересом. – Меня, видите ли, вполне устраивает собственный стиль жизни. Хоть он и кажется вам копеечным, жалким, лишенным смысла. Вот вам мой ответ. Я не молод и не хочу жить по-иному. Это во-первых.

– А во-вторых?

– А во-вторых, то же самое. Я уже не молод. Поэтому ничего не боюсь.

Сайкин сделал удивленное лицо.

– Неужели вам не хочется, чтобы публика читала ваши вещи, пусть даже под другим, чужим то есть, именем?

– Почему же, это должно быть забавно. Но я уже свыкся с мыслью, что моим, как вы выражаетесь, вещам уготована не самая лучшая судьба. Теперь это меня уже почти не огорчает. Деньги меня не интересуют. Живу скромно. А брат – мой единственный читатель. Прежде

были другие читатели, теперь только он остался. И помогает мне брат, правильно заметили, из любви к искусству.

Пашков хотел сказать еще что-то, но Сайкин, сделав протестующий жест, его оборвал.

– Простите великодушно, но у меня сегодня нет времени, чтобы вести эти споры. – Он вытащил из нагрудного кармана пиджака календарик. – Давайте продолжим дискуссию в любой другой день. Вот хоть бы в следующий вторник. Не в моих привычках торопить события. Подумайте спокойно о моем предложении. Уверяю вас, оно стоит того, чтобы его обдумать. И кстати, не дадите ли мне еще что-нибудь почитать. А то один читатель – это слишком мало. Та вещичка, что я сегодня вернул, мне не особенно понравилась, скучная. Нет ли чего-нибудь повеселее?

– Что ж, почитать могу дать рассказы, – Пашков встал и согнулся над тумбой стола. – В конце концов, для того рассказы и пишутся, чтобы их читали. Хотя вам и эти вряд ли понравятся, но почитайте.

Он протянул Сайкину папку с длинными, завязанными узлом тесемками.

– Что касается вашего предложения... Может, лет десять назад я бы его и принял. Сейчас не приму.

Сайкин поднялся и сказал, что зайдет на следующей неделе. Взяв из рук Пашкова папку с длинными тесемками, он поулыбался еще с минуту и откланялся...

* * *

Во время своего третьего по счету визита к Пашкову Сайкин чувствовал себя в писательской комнате совершенно раскованно. В тот день у Сайкина было прекрасное настроение.

– Вы думаете, перед вами легкомысленный, самоуверенный человек? – спрашивал он Пашкова, расхаживая из угла в угол. – Так вы обо мне думаете? Но хочу вас разочаровать. Деньги, положение, которого я добился, все эти атрибуты красивой жизни, – Сайкин ткнул пальцем в новый малиновый галстук, – все это далось мне не даром.

– И какого же вы добились положения? – спросил Пашков. – Возглавили попечительский совет? Я ведь о вас толком ничего не знаю. Это почетно возглавлять совет.

– Да при чем здесь этот не существующий совет? – Сайкин, расхаживая по комнате, только махнул рукой.

Пашков криво улыбался. Он давно заметил, что Сайкин не слушает своих собеседников, будто разговаривает сам с собой. Пашков подумал, что люди, некогда верившие в него и его способности, разочаровались, а иных нет на свете. Он почесал затылок и подумал, что этот бойкий малый переспорит, кого угодно и сейчас, пожалуй, не стоит завязывать с ним длинную дискуссию на окололитературные темы.

Подумав, Пашков спросил, не лучше ли заварить кофе, и, получив утвердительный ответ, отправился на кухню. Приближался конец рабочего дня, и никого из соседей на кухне еще не было. Он зажег газ и наполнил из крана чайник.

Деньги, полученные от Сайкина во время его первого визита, уже кончились. Пашков отдал все долги. Минуту он смотрел на голубые язычки пламени и, уже приняв решение, думал, удобное ли сейчас время, чтобы попросить у Сайкина еще денег, хоть немного.

– Будь проклята бедность, – сказал Пашков вслух и грохнул чайник на плиту.

Глава 2

Неяркий солнечный свет проникал через широкие, во всю стену, витринные стекла шашлычной «Памир». На кухне плохо работала вытяжная вентиляция, поэтому в зале было душно. Пахло пригоревшим мясом, шашлычным маринадом, слоился табачный дым. Официанты в белых, не первой свежести куртках, уставшие от жары и духоты уже к середине рабочего дня, двигались вяло, едва поднимая ноги.

Несмотря на обеденный час, посетителей было немного. Сайкин предусмотрительно оставил свой пиджак в машине. Он сидел за столом в легкой безрукавке, чувствуя, что рубашка на спине уже слегка пропиталась потом. Хотелось выйти на улицу и продолжить разговор на воздухе.

Но вряд ли такое предложение могло понравиться Николаю Сутееву, с которым обедал Сайкин. Хотя Николай был в двубортном пиджаке, казалось, он совсем не замечал жару. Сайкин предпочел бы обед в приличном ресторане, но выбирать не приходилось, место и время встречи назначил Николай, по своим соображением обходивший дорогие публичные места стороной.

В «Памире» предлагали только два блюда: пиццу и шашлык по-карски. Еще можно было заказать куриный бульон и овощной салат. Шашлык против ожидания понравился Сайкину, и он даже заказал себе вторую порцию. В ожидании заказа он поглядывал то на Сутеева, который, покуривая, тоже ждал повторного заказа, то на улицу через занавешенное цветным тюлем окно.

– Может, еще по двести коньячка возьмем, – задумчиво предложил Николай.

Он поднял голову и посмотрел через стекла очков на вентилятор, медленно крутивший свои большие лопасти под потолком и совсем не разгонявший табачный дым.

– С удовольствием, – Сайкин облизнул сухие губы.

– Тогда ты закажи, а я пойду отолю.

Сутеев поднялся и направился к туалету. Сайкин тупо смотрел ему в спину, пока синий свободного кроя пиджак не растворился в кухонном угаре. Сутеев никогда не появлялся на людях одетым легкомысленно, обязательно в модном костюме, светлой сорочке, при галстуке.

Сайкин подозвал официанта и заказал коньяк. Он закурил и задумался. Было о чем. Сутеев являлся председателем международного благотворительного фонда. Оборотистость и обширные связи помогли ему поставить дело надлежащим образом. Зарубежные и отечественные, государственные и коммерческие фирмы жертвовали на благотворительные цели значительные суммы.

Одна из задач Сутеева состояла в том, чтобы щедрые пожертвования попадали именно в его руки, а не направлялись в какой-нибудь другой благотворительный фонд, число которых непрерывно множилось. Для этой цели нужны не только высокие связи. В любом случае пожертвования должны доходить до адресатов. В том или ином виде. Сутеев мог субсидировать целевые, разработанные его же консультантами программы, мог оказывать разовую помощь, например продуктами или медикаментами.

В том или ином случае требовалось аккумулировать средства. Для этого, в свою очередь, нужно было время, поддержка коммерческих банков. В конечном счете, наступал такой момент, когда значительные денежные вливания выходили из-под контроля своих прежних владельцев, но еще не попадали в руки тем, кому непосредственно предназначались. Сутеев удержал деньги возможно более продолжительное время, чтобы успеть вложить их в беспроигрышную краткосрочную операцию. Деньги оборачивались, принося хороший барыш, затем полностью или частично направлялись по назначению.

На всякий случай, чтобы избежать персональной ответственности за финансовую сторону дела, Сутеев создал коллективный орган управления средствами фонда, куда вошли

частью посвященные в его дела люди, частью видные бизнесмены, частью общественные деятели, ничего не смысливших в бизнесе. Все они были слишком заняты сами собой или своими делами, некоторые просто некомпетентны, чтобы проследить за движением средств благотворительного фонда. И доступ к такой информации получить совсем не просто. Директора двух коммерческих банков, через которые проходили деньги фонда, ключевые фигуры игры, были добрыми приятелями Сутеева и, естественно, лицами, заинтересованными в успехе всех затеваемых им предприятий.

Сутеев рисковать просто не имел права. Случись что, он, пожалуй, сумел бы выйти сухим из воды, ведь официально не он распоряжался средствами фонда, но могла пострадать и репутация его общественной организации, а это знаменовало начало финансового краха. Слово «репутация» было для Сутеева свято. Поэтому он, в жизни человек весьма и весьма прижимистый, щедро оплачивал услуги юристов, консультантов по финансовым вопросам и движению капитала. Сам Сайкин помогал Сутееву приобрести недвижимость в Москве. Сайкин же познакомил Сутеева с солидными западными бизнесменами, вскоре сделавшими щедрые пожертвования.

Сутеев отплатил тем, что сумел добиться предоставления Сайкину в одном из коммерческих банков, в совет директоров которого входил, долгосрочного льготного кредита под свои гарантийные обязательства. Позднее Сайкин выполнил еще одну просьбу Сутеева. В подобающей случаю торжественной обстановке устроил встречу представителей благотворительного фонда с видным деятелем церкви. Прокрученная по телевидению, эта акция послужила фонду хорошей рекламой и привлекла новые пожертвования. Теперь обширные связи Сутеева в столичном мире бизнеса снова могли понадобиться.

«В общем-то, мы квиты, – думал Сайкин, в ожидании заказа пуская табачный дым. – Помогали друг другу и сполна друг с другом рассчитались. Мой рейтинг еще довольно высок. Вопрос в том, достаточно ли хорошо Сутеев осведомлен о сегодняшних моих проблемах. Он человек информированный, дотошный. Если перед встречей он и навел кое-какие справки, все равно вряд ли сумел составить полную картину. Не успел».

* * *

Официант принес заказ, поставил перед Сайкиным тарелку с дымящимся шашлыком, салат из помидоров, графин с коньяком, рюмки и спросил, нужно ли подавать порцию все еще отсутствующего Сутеева. Сайкин ответил утвердительно. Пока Сайкин разливал коньяк по рюмкам, пробовал салат, снова подошел с тарелкой шашлыка расторопный официант, небалованный и, как видно, рассчитывающий получить хоть какие-то чаевые.

Из табачного дыма выплыла фигура Сутеева, держащего спину прямо и выставяющего ноги вперед так, будто он обдумывал каждый свой шаг перед тем, как его сделать. С глубоко-мысленным видом он отодвинул стул и медленно, поддержав брюки, сел и сказал:

– Хорошее заведение. Главное – недорого.

Глядя в лицо Сутееву, ища его глаза, спрятанные за зеркальными стеклами очков, Сайкин думал, что нынешняя встреча закончится ничем. Сутеев лишь посмеется про себя над его просьбой о финансовой поддержке и, вежливо улыбаясь, откажет. Сайкин заерзал на стуле, подумав, что обед близится к концу, а разговор, с которым он связывал кое-какие надежды еще и не начат. Он поднял графин с коньяком и наполнил рюмки.

Он хорошо понимал, что круг людей, к которым можно сейчас обратиться за помощью, сузился. Те парни, с которыми часто приходилось иметь дело, здесь не подходили. Вопрос с кредитом не должен получить широкой огласки. Кое-кто может усомниться в его финансовых возможностях, а это не ко времени. Кроме того, сумма уже полученных кредитов почти запредельна. Сроки платежей еще не настали, но они быстро приближаются.

– Коля, мне нужны деньги, – Сайкин знал, что главное – начать, сказать первое слово. – Довольно крупная сумма. Если откажешься помочь, пусть разговор останется между нами.

– Этого ты бы мог и не говорить, – Сутеев уставился на него, ожидая продолжения.

Сайкин откашлялся. Теперь весь предстоящий разговор казался ему не только бесполезным, но и унижительным. «Проклятая духота, мозги превратились в кисель», – подумал он, доставая носовой платок.

– Ты, может, знаешь, что около года назад я купил в области один недостроенный объект. – Сайкин откинулся на спинку стула. – Купил на аукционе, где незавершенкой торговали и оптом и в розницу. Цены, как на дешевой распродаже. Солидные покупатели достраивать незавершенку не хотели. Но большинство выставленных там объектов имели тендер. Идиотизм, конечно. Если начали в свое время строить кирпичный завод и бросили потом, все равно будущий хозяин должен выпускать здесь именно кирпич, а не варить мыло. Ну а какому дураку интересно вкладывать собственные деньги и выпускать продукцию по чужому выбору? Поэтому цены на аукционах незавершенки были бросовые. Но в конечном итоге все решали взятки. Покупатель был заранее известен продавцу, цена объектов обговорена. Аукционы проходили без сюрпризов.

Сайкин сделал глоток теплой воды. Сутеев молчал, дымчатые стекла очков тускло блестели.

– Как раз в то время я присмотрел один объект. Никто им всерьез не интересовался, не хотели вкладывать деньги в строительство. Долгосрочные инвестиции... Мало соблазнительного. Это был домостроительный комбинат, сооружать который начали еще в темные века и бросили на полдороги. Мои ребята там побывали, посчитали все, сделали технико-экономическое обоснование. Было, с чего начать. Два цеха, арматурный и формовочный, уже под крышами – отлично. Есть еще однокорейка железнодорожная. Можно взяться, довести все до ума, если, конечно, есть большие деньги. Всю затею решил реализовать не под вывеской собственной конторы: лишние налоги, лишние бумаги... Зарегистрировал товарищество с ограниченной ответственностью «Гарант», поставил там своих ребят под началом Федорова Сергея. Ты его знаешь, толковый мужик.

– Ну, продолжай-продолжай. – Сутеев придвинулся к Сайкину.

– Приобрести комбинат не проблема. Первую прибыль, по нашим расчетам, комбинат должен был принести через восемь месяцев, полностью окупит себя через двадцать один месяц со дня ввода всех мощностей. Продержаться на собственном керосине до этого счастливого дня я не мог. А деньги требовались без конца, это была настоящая лавина расходов. Рука уставала подписывать платежки. Между тем комбинат перешел в мою собственность, но меня уже заели финансовые вопросы.

Сайкин на минуту прервал рассказ и задумался. Казалось, он вспоминал недавнее прошлое. На самом деле он думал, не слишком ли затянулось его повествование и не следует ли изъясняться короче. Подошел официант, спросив разрешения, собрал посуду.

– Может быть, еще коньяка? – Сутеев прищурил глаза. – В общих чертах я догадываюсь, что было дальше. Кое-какие сплетни даже до меня дошли. Честно скажу, люди сомневаются в твоём выборе, во всей этой петрушке. Ты изъязл из оборота огромные деньги, вложив их в долгосрочные инвестиции.

Закономерен и финал: ты создал предприятие, которое проедает больше, чем поступает на твой счет.

– Значит, справки навел?

– Из чистого любопытства, да и земля слухами полнится. – Сутеев улыбался. – В любом случае во всей этой истории для меня остается слишком много неясностей. Ну, например, уж коли ввязался, неужели рассчитывал обойтись только собственными средствами? Просто

немыслимо. Вообще все это на тебя не похоже: всадить чуть ли не все состояние в сомнительную затею.

Сайкин молчал, уставившись в красное пятно соуса на скатерти. Подошел официант, со своего подноса поставил на стол чашки с кофе, положил перед Сутеевым шоколадку. Выпив, Сайкин заметил, что вдруг перестал замечать жару и духоту, теперь и весь этот разговор не казался ему таким неприятным, как вначале.

Сайкин, отхлебывая крошечными глотками крепкий кофе, он говорил себе, что его худшие опасения сбылись: Сутеев вежливо выслушал его рассказ и ответил отказом. Больше и говорить не о чем.

– Хотелось бы договорить, коли мы начали, – сказал Сутеев. – Ты переоценил свои возможности, взялся самостоятельно финансировать проект и...

– Коммерческие банки от долгосрочных инвестиций шарахались, как от чумы, финансовые риски, говорят, слишком велики. Кроме того, под обеспечение кредитов требовалось заложить все мои дела, всю собственность, включая последние штаны. О льготных государственных кредитах и мечтать не стоило, прошли те времена. Одна внешнеторговая фирма была готова помочь мне, но эти парни захотели вдруг получить приличную долю моих будущих доходов. Так или иначе, но в прибыли хотели участвовать все, к кому бы я ни обращался. Сегодня, чтобы не остановить финансирование комбината, я вынужден свернуть многие прибыльные дела. Но все равно долго так продолжаться не может. Ситуация такова: я могу или потерять все или выиграть по-крупному.

– Лично я, прости, не дал бы под это дело и копейки. – Сутеев снял очки и протер их платком в красную клетку, на Сайкина он не смотрел. – Это строительство, мать его, для меня темный лес. Наконец, мне это просто неинтересно. И не надо меня убеждать и уговаривать. Кстати, ты еще не заложил свой комбинат банку?

– Пока нет.

– Хорошо, значит, дать обеспеченные гарантии ты сможешь. – Сутеев заговорил быстрее. – Какова сейчас стоимость твоего комбината?

– Это объект высокой строительной готовности, без пяти минут действующий, он стоит больших денег.

– Ладно, может, и удастся тебя вытащить, – Сутеев потер лоб ладонью. – Когда человек имеет мужество признаться, что он без пяти минут банкрот, это, знаешь ли... Это по нынешним временам поступок. Не доверяю тем, кто пускает пыль в глаза. «Мерседесы», костюмы от Диора, а сам, по жизни содержит сомнительный притон и дожидается только конфискации имущества.

Подходящий человек у меня на примете есть. На приемлемых условиях он войдет в дело.

– Более десяти процентов прибыли обещать не могу, – вставил Сайкин.

– А ты не очень щедрый. От тебя потребуется план перспективного развития хотя бы на следующие полтора года, все экономические выкладки плюс собственные соображения. Помоему, этот мужик – настоящая находка для тебя. Понаслышке знаю, человек он более чем обеспеченный. Зовут его, – Сутеев достал бумажник, вынул из него визитную карточку и, взглянув на нее, протянул Сайкину, – Иван Трофимович Плетнев, он из Поволжья. Сейчас перебирается в столицу, на родине дела свертывает. Похоже, наследил там наш Иван Трофимович.

– Генеральный директор опытной селекционной станции? – Сайкин смотрел с удивлением.

– А что тебя не устраивает? – Сутеев водрузил очки на нос. – Плетнев многие годы кряду разрабатывал и реализовывал на областном уровне программу «Зерно Семена». Цель – обеспечить область и некоторые другие регионы семенами пшеницы твердых и ценных сортов. Еще несколько лет назад под такие целевые программы выделяли огромные государственные кре-

диты. Человек сумел хорошо заработать. Провинциал, но со временем оботрется. И деньги у него чисты – это тебе не Средняя Азия. Что думаешь?

– Нет у меня времени носом крутить, выбирать, – сказал Сайкин, допивая холодный кофе. – Попробовать стоит в любом случае. В случае удачи твой фонд не обижу.

– Не сомневаюсь, – заулыбался Сутеев. – Сегодня увижу Плетнева на вечере, там и заброшу удочку. Звони мне завтра с утра.

Сайкин позвал официанта и расплатился.

* * *

Через несколько дней Сутеев организовал встречу с Плетневым. После обеда в ресторане второго разряда Плетнев пригласил Сайкина в скромную квартиру, напоминавшую камеру хранения. Чемоданы, картонные коробки и ящики грудились по углам. Хозяину, как видно, совсем не хотелось к чему-то прикладывать руки, и он все откладывал на потом обустройство на новом месте и все бытовые заботы. Присматриваясь друг к другу, пили кофе на кухне.

Плетнев показался Сайкину мужиком хитроватым, себе на уме. Желая показаться простаком, крестьянином от сохи, он употреблял диалектные слова, полузабытые пословицы и прибаутки и не спешил переходить к делу. Сайкин рассказывал скабрёзные анекдоты и старался выглядеть веселым, делая вид, что итог их беседы волнует его меньше всего на свете. Когда Плетнев предложил выпить рябиновой настойки, Сайкин отказываться не стал.

После нескольких рюмок сумбурность беседы прошла, разговор сделался предметным.

– Понимаешь, я мужик прямой, конкретный, – говорил Плетнев, быстро перешедший на «ты». – Ваши московские заморочки плохо понимаю. Мне подавай настоящее дело. Конкретное дело, которое можно вот этим пощупать.

Он показал Сайкину тыльную сторону ладоней, кисти рук выглядели грубовато, но мозолями испорчены не были.

– Вот что нужно. Под хорошее дело деньги будут. Биржевые спекуляции, игры с ценными бумагами, купля-продажа – это не для меня. Земля, недвижимость, производственная сфера – это уже теплее.

– Мой вариант как раз то, что ты ищешь, – убеждал Сайкин. – Здесь туфты нет, через год-другой заказчики за наши подряды станут друг другу глотки рвать. К нам очередь встанет через всю Москву.

Плетнев кивал головой, потирал красную жилистую шею, пофыркивал не к месту. Он, дружелюбно глядя на Сайкина трезвыми глазами, и слушал. Просмотрев технико-экономическое обоснование проекта, Плетнев спросил, не готов ли план развития комбината хотя бы на ближайшие года три, попросил оставить ему все бумаги, что были с собой у Сайкина.

– Небось, большие взятки за землеотвод платить придется? – спросил Плетнев. – Знаю, у вас тут без взяток шагу не ступишь. Ну, да ладно. Жилье всем нужно. Через жильё много вопросов можно решить. Так?

Плетнев с решительным видом раздавил в пепельнице окурок и заявил, что в принципе готов частично финансировать строительство комбината на том условии, что двадцать процентов жилья, введенного в строй в первые пять лет после пуска ДСК, становятся его собственностью.

– Но ты ведь даже на комбинате не был, чтобы предлагать мне эти условия, – Сайкин удивился так, что прикурил сигарету с фильтра. Предложение Плетнева было конкретно. За последние недели Сайкин в поисках инвесторов вдоволь наслушался уклончивых ответов, неопределённых обещаний и совсем отвык от дельных предложений. Он закашлялся.

– Ошибаешься, дорогой. – Плетнев сощурил бесцветные глаза. – Ездил я на твой комбинат. А иначе и разговоры разговаривать не стал бы.

Глава 3

Сайкин смотрел в почти неразличимый темный потолок, лениво прислушиваясь к шуму ветра. Шум усилился, ветер ерошил кроны лип, срывал и нес куда-то листья. День сегодня летний, а ночь осенняя. За окном млечным светом чиркнула молния. Гром отозвался откуда-то издалика глухим неясным раскатом. Сайкин погладил Ларису по спине и, пытаясь не разбудить ее, стал осторожно освобождать грудь из-под ее головы.

– Я думал, ты спишь.

Сайкин, почувствовав, что Лариса покачала головой. Ощущая запах ее волос, он снова обнял ее за плечи, прижался лицом к этим волосам и вдохнул их запах, а вместе с этим запахом к нему пришло душевное спокойствие. Сверкнула молния, и порыв ветра донес запах сырой свежести.

– Который сейчас час? – спросила Лариса. Сайкин поднял голову, стараясь разглядеть в темноте, где стоит будильник, но так его и не увидел. Тогда он нащупал на туалетном столике свои часы со светящимися стрелками.

– Скоро два. – Он положил часы на место. – Поздно уже, а спать почему-то совсем не хочется, – сказала Лариса. – Ты слышишь дождь? Это теплый дождь... Завтра, вернее сегодня, ты уйдешь.

Сайкин ждал, что еще скажет Лариса, но она молчала.

– Мы ведь опять увидимся, ну, дней через несколько, – сказал он вслух. – Не на разных материках живем. Увидимся.

– Конечно, увидимся. Но утром ты уйдешь, поэтому мне и спать не хочется. Ночи короткие, светает рано.

Сайкин подумал, что многими счастливыми минутами жизни обязан именно Ларисе. «Бросить все к такой-то матери, уйти от дел, жениться на ней. Зажить семьей в своем доме за городом», – эта мысль уже не первый раз приходила в голову, ласкала воображение, и он не спешил с этой мыслью расставаться.

Сайкин представил, как он, уставший от дневных хлопот и, безусловно, праведных честных дел, возвращается под вечер в свой загородный дом, а Лариса встречает его на пороге. Шумят верхушками сосны, едва слышно поскрипывают их стволы, со двора видно горящий в камине огонь. Воображение рисовало идиллические картины их очень честной, честной друг перед другом семейной жизни.

Отчетливее всего представлялся их загородный дом. Большой, просторный особняк за высоким сплошным забором, террасами на две стороны, мраморным камином в гостиной, тремя спальнями, двумя комнатами для детей. Ведь должны же у них быть дети. Роскошный дом. Поблизости можно разбить зимний сад, вырыть прекрасный бассейн, оборудовать теннисный корт. Немного воображения – и это будет райский уголок.

Дом рисовался Сайкину столь выпукло и отчетливо потому, что не был плодом воображения. Сайкин недавно купил этот дом на аукционе через подставное лицо, а, купив, затеял реконструкцию особняка. По первой задумке Сайкина, дом предназначался для деловых встреч вдалеке от людских глаз. Никаких гулянок и пьяных увеселений с девками.

Теперь, когда перестройка особняка закончилась, дом пустовал. Ни один человек не побывал в нем ни с деловым визитом, не заглянул отдохнуть. Сайкин держал особняк на запоре. «Может, Лариса войдет туда хозяйкой, такое возможно, – говорил он себе. – Она смогла бы обставить дом со вкусом, содержать его в порядке, образцовом порядке. Этот прекрасный дом – наш шанс на новую жизнь, на общее счастье».

Сайкин задремал. Он проснулся засветло, когда Лариса еще спала. На кухне, стараясь не греметь посудой, сварил себе крепкий кофе, сделал бутерброды. Позавтракав, он бесшумно закрыл за собой входную дверь.

* * *

Дорожные рабочие ремонтировали участок шоссе, и регулировавший движение гаишник пропускал в ряд машины то в одном, то в другом направлении. Сайкин, пребывавший с утра в бодром, деятельном настроении, в ожидании своей очереди нетерпеливо ерзал на сиденье, щелкал кнопками радиоприемника. Сидящий рядом с ним Федоров читал газету.

В машине Федорова давно барахлило зажигание, сегодня он не смог завести машину, и Сайкин, направлявшийся на домостроительный комбинат, захватил его с собой. Долгой дорогой Федоров по своему обыкновению обстоятельно рассказал о положении на стройке, а сейчас, решив, что отчет закончен, погрузился в чтение.

Стоящая впереди машина тронулась с места, Сайкин отпустил сцепление, нажал на газ. Они продвинулись всего на несколько десятков метров и опять остановились. Встречный поток машин пошел к Москве. Сайкин открыл окно шире и выпустил наружу струйку табачного дыма. Он смотрел, как дочерна загорелые рабочие в оранжевой спецодежде разбрасывают широкими совковыми лопатами дымящийся асфальт. Рабочие между делом о чем-то разговаривали друг с другом, но слов, поглощенных шумом техники, не было слышно.

Федоров, поглощенный чтением, не замечал происходящего вокруг движения. Уже давно у него не было случая спокойно почитать газету, и сейчас он пользовался подходящим моментом. Сайкин выбросил окурочек через окно на дорогу и, откинувшись на сиденье, забарабанил пальцами по баранке. Федоров еще раз пробежал глазами заголовки и, не найдя больше ничего интересного, свернул газету трубочкой и, бросив ее на заднее сиденье, сладко потянулся.

Он уже подробно рассказал Сайкину, и без того хорошо информированному, о состоянии дел на комбинате и стал вспоминать, не упустил ли чего в своем рассказе.

Федоров успел пожаловаться, что с местного завода кирпич стали привозить не на поддонах, сложенный «елочкой», как раньше, а насыпной, прямо в кузовах самосвалов. Много кирпичного боя. Поездки Федорова на кирпичный завод ни к чему не привели, только лишний раз убедился, что поддонов под кирпич нет, а спросить за все это безобразие не с кого.

Кадровые рабочие, в основном женщины, тянули свою каторжную лямку у доисторических кольцевых печей и на формовочных линиях, рассчитывая в обозримом будущем получить квартиру в рабочем поселке и навсегда забыть завод, как самый страшный сон. Директор, вертлявый издерганный мужичонка, давно махнувший рукой на постоянные жалобы клиентов, пропустил все упреки Федорова мимо ушей и заявил, что готов хоть сегодня прекратить отгрузку кирпича на домостроительный комбинат. Федоров услышал от директора, что сможет получить кирпич без боя только в том случае, если на пару месяцев откомандирует на завод бригаду своих рабочих.

Свободных людей на комбинате не было, и Федорову пришлось отказаться от предложения. Сгоряча он даже подумал, не заключить ли договор о поставке кирпича с другим заводом, что в соседнем районе, но, быстро прикинув расходы, тут же отказался от своей скороспелой задумки. Директор же, покрутившись в кресле, поковырял в зубах расщепленной спичкой и, словно угадав ход мыслей Федорова, хитро заулыбался, пожимая на прощание руку. Федоров еще раз прошелся по цехам, обдумывая на ходу свое дело, теперь казавшееся таким незначительным.

Он постоял, наблюдая, как женщина-выставщица, словно живой робот, беря в руки по сырому, только что сформованному кирпичу, перекладывает эти кирпичины с одной движущейся ленты транспортера на другую. Федоров стоял и смотрел на бесстрастное, коровье лицо

этой женщины, ее жилистые руки, гипертрофированно развитые предплечья, на движения женщины, доведенные до автоматизма, и, наконец, уехал с завода с тяжелым сердцем. Бывая на старых кирпичных заводах, он всякий раз после их посещения чувствовал внутреннее неудобство и подавленность, словно в чем-то провинился.

Сайкин рассеянно, постоянно отвлекаясь на дорогу, дослушают рассказ Федорова и вежливо попросил впредь решать подобные мелкие вопросы без его ведома и участия. Гаишник, наконец, перекрыл поток машин, идущих к Москве, и дал отмашку своей полосатой палкой в нужном направлении. Сайкин медленно тронулся с места. Они миновали рабочих в оранжевых безрукавках, дорожную технику, молодого, очень серьезного гаишника с жезлом и рванулись из затора.

– Далеко до твоего кирпичного завода? – спросил Сайкин.

– Не доезжая двух километров до Успенского, надо свернуть направо и там еще километра три будет, всего-то. Заедем что ли?

– Придется заехать, раз так просишь. Ты мне лучше скажи, как вообще настроение людей. Ну, на что жалуются помимо того, что зарплату задерживают?

– Да как сказать... Нормальное вообще-то настроение, обычное. Работают. А настроение разное. Первая смена жалуется, будто котлеты не из мяса, а из хлеба, суп водянистый. Сперва привозили обеды из райцентра в судках, получалось дорого. Стали готовить на месте, взяли повара, две помощницы ему, посудомойку. Обходится дешевле, но обеды...

– Повар много ворует?

– Замечалось за ним.

– Гнал бы его в шею, не откладывая.

– Ладно, постараюсь этим заняться как-нибудь, – неопределенно пообещал Федоров и вздохнул. – Только сперва надо подыскать ему хоть какую-то замену.

Сворачивая с шоссе к заводу, Сайкин уступил дорогу груженному кирпичом самосвалу. Кирпич в кузове лежал навалом, кое-как погруженный.

– Наверное, нам повезли, – желчно заметил Сайкин.

Он сбавил скорость, жалея машину. Тяжелые грузовики совершенно разбили дорогу. Навстречу снова попался самосвал, и Сайкин съехал на обочину. Наконец за щербатым железобетонным забором показались одноэтажные здания кирпичного завода. Сайкин даже зазевал от скуки, глядя на них. Поднимаясь на ухабах и опускаясь в ямы, машина медленно въехала на территорию завода через кособокие, распахнутые настежь ворота.

Федоров указал пальцем на желтое с облупившейся штукатуркой административное здание. Сайкин остановил машину на ровном асфальтовом пятчке прямо перед окнами и, выбравшись из машины, лишь хлопнул дверцей, не заперев ее. Пройдя через двустворчатые двери в помещении, он остановился, ожидая застрявшего на улице Федорова. Наконец тот вошел в вестибюль, показав рукой направо в полутемный коридор. В конце коридора в торцевой стене светилось мутным светом квадратное оконце. В неярком дневном свете, попадающем сюда, можно было разглядеть, что стены заводоуправления выложены щитовым паркетом.

Сайкин потянул ручку двери и, пропустив вперед Федорова, переступил порог приемной. Появление двух мужчин не произвело на пожилую секретаршу никакого впечатления. Она лишь на секунду подняла глаза на вошедших и вновь принялась терзать пишущую машинку. Федоров откашлялся в кулак.

– Директор у себя?

– На территории.

Сайкин уже приготовился сесть на один из стульев, стоящих вдоль стен приемной, но дверь за его спиной порывисто распахнулась, секретарь тут же оторвалась от машинки и по ее смягчившемуся лицу Сайкин определил, что вернулся директор. Оглянувшись, он увидел небольшого роста мужичка в измятом сером костюме и немодном галстуке. Мужичок уже сер-

дечно мял ладонь Федорова. Сайкин шагнул к директору и, протянув руку, представился руководителем нового домостроительного комбината.

– Иван Ильич, – коротко ответил мужичонка высоким голосом.

Высвободил руку из ладони Сайкина, пробежал по приемной и распахнул перед гостями дверь в свой кабинет. Сайкин обратил внимание, что стены директорского кабинета, как и коридор, отделаны крытым лаком щитовым паркетом. Иван Ильич перехватил его долгий удивленный взгляд.

– Кирпич поставляем на деревообрабатывающий завод, так они с нами иногда паркетом рассчитываются, – охотно пояснил он. – Живем, как видите, небогато. Вы садитесь, располагайтесь как дома.

Сайкин опустился на шаткий, тонконогий стул. Сквозь пыльные большие окна с двойными рамами виден длинный производственный корпус. На переднем плане, прямо перед окном, два понурых человека в одинаковых черных куртках о чем-то неспешно беседовали. На широких пыльных подоконниках стопками лежали пожелтевшие машинописные листы вперемежку с газетами. Сайкин поерзал на неудобном хлипком стуле и еще раз обвел глазами помещение с его бедностью, нарочито выставленную напоказ. Иван Ильич маленькими зоркими глазками следил за Сайкиным, сохранявшим долгое молчание.

– Так, чем обязан, как говорится, вашему появлению? – натянуто улыбаясь, спросил Иван Ильич. – Думал, мы вот с Сергеем Сергеевичем прошлый раз все и обговорили. Я вроде ему все объяснил. Не от хорошей жизни все это, не от хорошей.

Федоров, присевший рядом с Сайкиным, повернулся к директору.

– После нашего разговора я еще раз осмотрел кирпич, который вы отгружаете, там процентов семьдесят боя. Ваш кирпич для нас золотым становится.

– Сергей Сергеевич, дорогой, ну я же объяснял вам уже, говорил я, присылайте свою бригаду. Поработают у меня пару месяцев, и вы останетесь довольны, и ко мне претензий не будет. У меня производство в прежние времена было планомерно-убыточное. А сейчас мы банкроты без пяти минут. Поэтому и прошу всех заказчиков: помогите, чем можете. Кирпич нужен всем, даже такой кирпич, ну и помогают.

Директор крикнул, достал из кармана пиджака мятую пачку папирос, придвинул к себе стеклянную пепельницу с отбитым краем и прикурил. В ожидании сочувствия он пустил струю серого зловонного дыма и посмотрел на Сайкина.

– Да, вижу, нелегко вам приходится, – в голосе Сайкина прозвучали неподдельные теплые нотки сочувствия.

– Вроде и отпускные цены на кирпич выросли, вроде жить можно, но и себестоимость возросла, – он присвистнул. – Кто-нибудь это подсчитал? Думают, раз кирпич выпускают, то шикарно живут. А я вот, смотрите, – он развел руки в стороны, – из бедности выбраться не могу. Как был кирпич нерентабельным, так и остался. Ну, а если вам наш кирпич не приглянулся, вольному воля. Расторгнем договор – и шабаш.

На столе звякнул телефон, и Иван Ильич стремительно сорвал трубку, словно только и ждал этого звонка.

– Нет, нет, – тонко крикнул он. – Так не пойдет, я сказал, так не пойдет. Перезвони через десять минут, у меня люди.

Отработанным движением он кинул трубку на место.

– У меня вон заказчиков десять очередей, и все только дай. Никто не обижается, что кирпич с трещинкой попадет. Вообще с вами, – он взглянул на Сайкина, – познакомиться было приятно. Кстати, видел я вас в районе мельком, а чтобы лично, как говорится, познакомиться, этого не приходилось. Приятно, знаете, познакомиться было. Одно ведь дело делаем, одну лямку тянем.

Иван Ильич встал из-за стола, давая понять, что больше говорить не о чем. Сайкин продолжал сидеть, крепко уперевшись локтями в стол и глядя перед собой. Он перевел взгляд на директора и спросил, пристально глядя ему в глаза:

– Иван Ильич, сколько вам до пенсии работать осталось? – голос Сайкина звучал тихо и ровно.

– Не понял вопроса, – насторожился директор.

– Что уж тут не понять? Спрашиваю, сколько вам до пенсии осталось? – повторил Сайкин.

– Ну, через три с половиной года на отдых можно. А собственно, какое это имеет значение? – острые глазки Ивана Ильича забежали по сторонам. На столе снова звякнул телефон и неожиданно замолчал.

– Имеет значение, даже очень большое. Вы ведь хотите доработать на своем месте, уйти на заслуженный отдых с почетом. Может быть, так оно и случится, если вы не будете мешать мне и моему делу.

Директор хотел вставить реплику, но Сайкин махнул перед собой рукой, словно напрочь отменяя все возможные возражения.

– Слушайте и не перебивайте, – сказал он. – Во-первых, не морочьте мне голову вашей бедностью. Я же не из министерства приехал с обзорной экскурсией. Я-то хорошо понимаю, на каком золотом дне вы сидите. Во-вторых, я не позволю ни вам, ни кому бы то другому вставать мне поперек дороги. Запомните, больше вы мне пакостить не будете. Кирпич должен поступать только хорошего качества, на поддонах. Сами вы его грузить будете или поручите доверенным лицам – не знаю. Проблема ваша.

– Моя? – переспросил директор.

– Не собираюсь выставлять вам штрафы, жаловаться или подавать в суд. Я просто сделаю так, что на пенсию вы, Иван Ильич, уйдете значительно раньше, чем планируете. По состоянию здоровья. Точнее, уйдете жалким инвалидом. Несчастный случай на производстве. Или хулиганы вдруг ни с того, ни с сего на улице изувечат или машина задавит, не знаю. Пока не знаю. Время сейчас такое беспокойное. Кости в вашем возрасте очень плохо срастаются. Медленно.

– Это что, угроза? Угроза, получается? Вы, получается, мне угрожаете? Стало видно, как на загорелом лице директора, вставшего из-за стола, проступает бледность. Его глаза впивались в Сайкина.

– Что вы, Иван Ильич, я никогда не угрожаю. Просто рассматриваю варианты вашей будущности. Старость в инвалидном кресле – что может быть печальнее? Станет ли мой прогноз реальностью, зависит от вас самих. Этот визит к вам первый и последний. Надеюсь, жалоб на вашу продукцию больше не услышу. А если все-таки услышу, придется искать общий язык уже с вашим преемником.

Иван Ильич, бледный, продолжал остоленело стоять за столом, казалось, он следил глазами за мухой, ползавшей по противоположной стене.

– Вы меня поняли? – спросил Сайкин.

– Понял.

Сайкин поднялся из-за стола, аккуратно поставил стул на прежнее место.

Федоров тоже поднялся, посмотрел на директора, вытянувшегося над своим письменным столом, и пошел следом за Сайкиным. Секретарь, забыв обо всем на свете, сосредоточенно долбила двумя пальцами клавиатуру машинки. Сайкин, сев за руль, принялся высвистывать незнакомую Федорову мелодию. Вырулив на шоссе, Сайкин включил антирадар и резко поддал газа.

– Приедем на комбинат, все осмотрю сам, – сказал он. – А ты пока соберешь всех наших людей вместе с субподрядчиками на собрание в арматурном. И не забудь захватить мне мегафон.

Он снова принялся насвистывать незнакомую мелодию.

* * *

Производственный корпус домостроительного комбината Сайкин осмотрел за полчаса и вышел на воздух. Прошагал по широкой асфальтовой тропинке, свернул налево, где возле высокого бетонного забора стояли прижавшиеся друг к другу строительные бытовки. Лишенные внутренних стен, они образовывали единое довольно вместительное помещение. Над входом в крайнюю бытовку висела видная издали, слегка выцветшая под солнцем табличка «Столовая». На двери столовой было написано мелом матерное ругательство.

Через серую марлю, заменявшую в столовой занавеску, за приближением начальства наблюдал повар Дорохин. Он, раньше других узнавший о приезде на строительство Сайкина, успел похлопотать на кухне и, пока начальство осматривало цеха, подготовился к визиту гостей. Дорохин, нарядившись в белый безукоризненной чистоты халат, который держал на случай под рукой, успел сварить из нежирной свинины украинский борщ, нарезал отварное мясо на отдельной тарелке ломтиками, пожарил картошку и открыл консервированный горошек для сложного гарнира.

Отойдя от окна, повар потер руки, удовлетворенный результатами своих трудов, стал раздумывать, открыть ли ради такого случая персиковый компот из личных запасов.

С вошедшими он поздоровался за руку со скромным достоинством, усадил Сайкина и Федорова за столик у окна с чистой скатертью. Он ненадолго удалился на кухню, чтобы вернуться с полным подносом. Дорохин молча поставил перед гостями большое блюдо с отварным мясом, тарелки с дымящимся борщом, разложил приборы. Снова убежал на кухню, вынес помидоры и зелень.

– Кучеряво живем, – улыбнулся Сайкин, весело подмигнул повару.

Тот, обрадованный этой своеобразной похвалой, решил, что персиковый компот открыть сейчас обязательно надо. Повар ахнул, побежал на кухню и снова вернулся с тарелкой резаного хлеба и плоской сметаны к борщу.

– У нас, конечно, не столичный ресторан, но стараемся, как можем, – повар искательно посмотрел в глаза Сайкина.

– Молодец, так держать, – одобрил Сайкин, чувствуя, как сильно проголодался.

– Может быть, беленькой по глоточку? – спросил вежливый повар, поправляя на голове накрахмаленный колпак.

– Этого не надо, – ответил Сайкин.

Он положил на хлеб холодное мясо с блюда, намазал горчицей и, прикусывая бутерброд, жадно принялся за борщ. Повар деликатно удалился. Четверть часа назад он выпроводил из кухни всех своих помощниц, чтобы не путались под ногами при начальстве, строго наказал посудомойке явиться позднее, чтобы вымыть посуду, оставшуюся после рабочего обеда, и все убрать.

Посидев на табуретке в кухне, повар достал с антресоли банку персикового компота. Открыв ее, он разлил компот по чашкам и выглянул в зал. Гости молча доедали первое блюдо. Сайкин, утолив голод, поглядывал в окно. Выйдя к гостям, Дорохин убрал на поднос пустые тарелки, поставил на стол тарелки с котлетами со сложным гарниром и исчез в кухне.

– Надо тебе почаще приезжать, – сказал Федоров, пробуя котлету. – Не узнаю сегодня повара, так старается.

Сайкин молча жевал. Дорохин появился с подносом, на котором стояли чашки с персиковым компотом. Он поставил компот перед начальством, на миг замер, ожидая поощрения. Но гости отнеслись к десерту как к должному, не выразив никаких эмоций. Повар, слегка разочарованный такой реакцией на его сюрприз, медленно удалился. Сайкин закончил обед, полез

в карман за носовым платком, потянулся, расправляя плечи, и поднялся на ноги. Он пересек зал и вошел в кухню, поймав на себе удивленный взгляд Дорохина.

– Сколько мы должны за обед? – спросил Сайкин.

– Спасибо вот скажете – и ладно, – встал навстречу с табуретки повар, не помышлявший о денежных счетах.

Сайкин, уже вытащивший бумажник, засунул его обратно во внутренний карман пиджака. Он постоял немного, осматривая помещение бытовки, в которой оборудовали кухню, поводил глазами по закопченному потолку, старым газовым плитам, котлам и кастрюлям, темным от сажи.

– Где готовить учился? – спросил он повара, заглядывая под крышку большой двадцатилитровой кастрюли. На ее дне зеленоватым болотцем стояла жижа, в которой плавали серые ломтики картошки.

– Нас пищу готовить жизнь учила, – неопределенно ответил повар, с тревогой наблюдая за Сайкиным, внимательно вдыхавшим кастрюльные запахи.

– Это что за помойка? – спросил Сайкин.

Теплые нотки его голоса вдруг исчезли.

– Да так, – махнул рукой Дорохин. – Осталось с обеда.

– Может, свиной заведем, чтобы остатки не пропадали? – то ли шутя, то ли серьезно спросил Сайкин. – Будет свое дешевое мясо.

– Тут и без свиней все съедают, – ляпнул повар, не подумав, и криво усмехнулся.

– Ладно, без свиней, так без свиней. – Сайкин взял с разделочного стола тяжелый тесак на длинной деревянной ручке и шагнул к Дорохину. – Теперь слушай сюда. Если из рабочего котла пропадет хоть один черпак или кусок мяса, я из тебя, шушера блатная, сам борщ состряпаю и первым жрать его сяду.

Он сделал к Дорохину еще один шаг и занес над его головой тесак. Повар заглянул в глаза Сайкина, белые от ярости, и ему показалось, что в этих глазах он увидел свою смерть. Дорохин согнулся, обхватил голову руками, словно это могло его спасти от страшного удара. И застонал, побоявшись кричать в голос. Сайкин опустил руку и разжал пальцы. Тесак грохнулся о доски пола.

Сайкин быстрым шагом вышел из кухни, а затем из столовой.

– Как только найдешь нового повара, этого вон, – сказал он курившему на воздухе Федорову.

Повар вышел в зал и через окно следил за Сайкиным, его глаза жгли слезы обиды.

Глава 4

С утра немного похолодало. С улицы доносились звуки гармонии слепого музыканта. Испортившаяся погода влияла на Пашкова, как всегда, благотворно. С раннего утра он сидел за письменным столом у распахнутого настежь окна, вполуха слушая гармонь.

Пашкову нравился дом на окраине южного уютного городка, двухэтажный дом старинной постройки, кирпичный, потемневший от времени. Нравилась квартира с высокими потолками. Жизнь казалась осмысленной. Все бытовые проблемы оставались вне зоны видимости, их, эти проблемы, с необыкновенной легкостью решал спутник Пашкова некто Семен Дворецкий. Теперь Пашков не представляет себе, как мог он раньше спокойно жить без этого немногословного, мрачноватого мужчины, принявшего на свои плечи столь нелегкий груз.

Пашкову вообще нравились молчаливые люди, а за спиной Дворецкого он чувствовал себя уверенно. Этот человек в полной мере обладал редким и потому уже ценным качеством – ненавязчивостью, видимым спокойствием. Дворецкий умел создавать эффект отсутствия и даже, находясь рядом, буквально в двух шагах, казался незаметным и вместе с тем умел молниеносно решать все возникающие проблемы.

...Стоило спутникам прибыть в город и выйти на перрон в яркий южный день, как Пашков потерялся, он, словно ослеп от яркого, жгучего солнца. Люди, минуя его, несли по перрону свои рюкзаки и чемоданы и растворялись в блеске солнечного дня, а Пашков все стоял, смотрел вокруг и ничего не видел. А Дворецкий растаял, исчез, будто и не было его никогда.

Совсем в другой стороне, в конце станции, Пашков увидел бамперы поезда, его красные сигнальные огни. Он долго смотрел на поезд, уходящий на запасные пути, пока на него не легла чья-то тень. Появился Семен Дворецкий. Пашков, уже обретя дар зрения и речи, готов был наговорить массу обидных слов, но остановился, не начав. Затеять здесь, на перроне, базарную полемику из-за случайной накладки показалось Пашкову глупым безрассудством.

Как выяснилось, Дворецкий побеспокоился не только о ручной клади. У здания вокзала их уже ждали белые «Жигули». Усатый водитель кивнул Пашкову резко взял с места. Через несколько минут они были на этой самой улице у подъезда здания. Водитель помог внести наверх чемоданы и навсегда исчез из жизни Пашкова. «Жигули», совершив путешествие от вокзала до кирпичного особняка, остались стоять у парадного, ключи от машины звякали в кармане Дворецкого.

Пашков не размышлял о собственном бытии, не до этого. Львиную долю времени поглощали зрелищные мероприятия, обеды и ужины в самом большом местном ресторане. Эти ежедневные походы в ресторан, сопутствующий туалет тяготили Пашкова, и он не раз предлагал Семену Дворецкому питаться дома, по-свойски.

Но Дворецкому, как видно, были даны строгие указания об устройстве быта писателя, и Семен выполнял их, невзирая на все доводы Пашкова в пользу домашних обедов. «Вы ведь сюда отдыхать приехали, а не обеды стряпать», – говорил Дворецкий, заставляя писателя облачаться в легкий светлый костюм, видно дорогой, и они отправлялись в ресторан.

* * *

На песчаной косе, уходящей далеко в самое море, пахло солью, горячим песком и бензином. К двухрядному шоссе, проложенному здесь, в некоторых местах море подходило так близко, что в штормовую погоду соленые брызги, подхваченные ветром, достигали асфальта.

Были здесь и пляжи, неширокие уютные пляжи, и на подходе к ним попадались дощатые торговые палатки, возле которых утоляли жажду стаканом воды или дешевого кислого вина.

Плоский берег шел дальше к кромке воды. Там, возле моря, сидели, лежали на надувных матрасах или полотенцах немногочисленные в этом году курортники. Сегодня море было неспокойно, налетал ветер. Этот ветер, сухой и теплый, гонял по асфальтовым дорожкам, по раскаленному от солнца шоссе всякий мусор и занесенный с пляжа песок.

Ветер срывал с Пашкова купленную в городе голубую матерчатую шапочку, и он то и дело хватался за голову, придерживая свой легкомысленный головной убор, чтобы не улетел. Пашков, не привыкший подолгу расслабляться, пребывал в раздраженном настроении. Ему невольно приходилось сдерживать желание сесть за рабочий стол, разложив перед собой чистую бумагу, уйти в работу. Вместо этого ой, как угрюмая тень, плелся за Семеном Дворецким к пляжу, проклиная себя за уступчивость характера. Стараясь отвлечься от неприятных мыслей, он стал обдумывать сюжет рассказа, над которым сейчас работал.

В поезде их соседями по купе оказались симпатичные молодые влюбленные. За время поездки он узнал об этой парочке многое, остальное додумал, сложил в голове рассказ, осталось лишь перенести его на бумагу. Он поселил молодых людей в этом солнечном городишке у моря в глиняной мазанке. Потом с героями происходили всякие забавные коллизии, в общем, молодые были счастливы. Именно это ощущение героями своего счастья, по замыслу Пашкова, должно создать у читателей ощущение светлое, но непрочное. Слишком хрупкое и неустойчивое был мирок влюбленных.

Пашков, опустившись на нее, снял панаму и убрал в карман брюк.

– Ну, что же вы, присаживайтесь, – сказал он Семену.

– Окунуться хочется, – ответил тот, продолжая стоять.

– Волна слишком высокая, никто и не купается.

– Это даже хорошо, что волны, – сказал Дворецкий и сел рядом. – Послушайте, Алексей Дмитриевич, сегодня утром вам с поездом прислали пакет, какие-то бумаги. На словах передали, чтобы вы это прочли, ну, ознакомились. Нужно, чтобы вы посмотрели, все ли здесь правильно. Я оставлю вам папку и пойду окунусь, чтобы не мешать.

Он вытащил из объемистой хозяйственной сумки и положил на колени Пашкова красную папку. Встал и пошел к морю.

Пашков поглаживал папку рукой и наблюдал, как Дворецкий, уже раздетый, вошел в воду, нырнул под набежавшую волну и на несколько секунд исчез под ней. Потом его голова показалась над водой среди пенных гребешков и снова пропала.

Пашков расстегнул замок папки. Там, сколотые друг с другом, лежали гранки. Писатель заволновался, нащупал в кармане рубашки очки. Теперь волнение мешало ему разобрать текст приколотой к гранкам записки. Наконец, часто смаргивая, он разобрал рукописные строки: «Здравствуйте, уважаемый Алексей Дмитриевич. Перед вами уже набранная рукопись „Штормового предупреждения“. Она принята в одном из московских журналов и, как бы не сглазить, скоро будет опубликована. Просьба ознакомиться. Сообщите, устраивает ли вас правка. От души поздравляю с нашей общей победой. Ваш Сайкин».

Пашков понял, что сейчас не сможет прочесть ни одного абзаца. Мысли запутались. Перед глазами возник образ незнакомого, приличного на вид человека, очень напоминавшего известного диктора. Диктор надел очки в толстой темной оправе, поправил галстук и откашлялся. Металлическим голосом, впрочем, не лишенным своеобразной приятности, он произнес, глядя на Пашкова с внимательной доброжелательностью: «Вот и на твою улицу пришел праздник». Диктор опустил глаза к бумагам, собираясь продолжать, но Пашков еще не решил для себя, радоваться или огорчаться известию о предполагаемой публикации повести.

«Черт с ним, с этим Сайкиным, – подумал он. – Мне слишком мало отмерено жизни, чтобы я успел насладиться собственной славой. Я просто не успеваю. Пусть за меня это сделают другие. Понаблюдаю за этим спектаклем со стороны. Забавное будет зрелище». Так и не начав чтение, он сложил бумаги в папку и щелкнул замочком.

Волны пенились. Белые барашки были видны издали. Где-то там, среди зеленых волн и белой пены, маячила круглая голова Дворецкого. Она то пропадала в воде, то выныривала, как надувной мячик. «И ведь не утонет», – с неожиданным раздражением подумал Пашков, ощутив вдруг тяжкий груз прожитых лет и не свойственную ему зависть молодости и здоровью. Он вытащил из кармана пачку сигарет, защелкал зажигалкой, но ветер гасил пламя.

Он встал на ноги, и ветер взлохматил его волосы, давно не знавшие ножниц парикмахера. «Вот возьму и разорву эти чертовы гранки, пушу бумажные ленты по ветру». Он снова сел на лавку и, попыхивая сигаретой, долго искал в волнах Дворецкого и уже начал беспокоиться, но тут увидел эту круглую голову совсем близко от берега.

* * *

Сайкин вышел на балкон, чиркнул зажигалкой и закурил. Он задрал голову и долго смотрел на мелкую россыпь звезд. Небо было чистым, глубоким и черным.

Прошедший день выдался суетным, закончить дела раньше девяти вечера не удалось, наконец, он освободился, просмотрел почту и заспешил домой. Вот уже несколько вечеров кряду до поздней ночи Сайкин читал рукописи Пашкова, отбирая рассказы, по его мнению, самые удачные, чтобы составить из них несколько сборников.

Отпечатанные на ломкой серой бумаге дрянной машинкой вещи Пашкова читать приходилось с трудом, слишком быстро уставали глаза. Но и поручить эту работу кому бы то ни было тоже нельзя. На письменном столе Сайкина лежали три пухлые конторские папки с длинными тесемками, один вид которых повергал его в уныние.

Сейчас, прежде чем закончить чтение начатого накануне рассказа, Сайкин сварил кофе и пил его, дочитывая рукопись. Сайкин на всякий случай редко пользовался телефоном, общаясь с Пашковым. Вот и сегодня, чтобы назначить встречу писателю в своей квартире на поздний вечер, он отправил к Пашкову с запиской своего придурковатого курьера Ивана. Выгнать этого недоумка и взять парня с головой на плечах, Сайкин хотел давно. Удерживало одно обстоятельство. Мать Ивана тяжело болела, и, останься малый без работы, а новое хлебное место он едва ли найдет, семье пришлось бы туго.

Курьер, отправленный к Пашкову утром, вернулся в контору лишь во второй половине дня с блестящими глазами и крепким перегарным духом и заявил, что не застал Пашкова дома, долго ждал и ушел ни с чем. Сайкин посмотрел на Ивана такими глазами, от взгляда которых веселый курьер завял на корню, как цветок. Злясь, но, сдерживая себя, Сайкин сказал, что поговорит с Иваном завтра, а пока велел курьеру убираться домой. Курьер растворился в шлейфе винных паров.

Пришлось, матеря в душе Ивана, звонить Пашкову по телефону. Писатель оказался дома, как выяснилось, только с утра он ненадолго выходил за хлебом. Не вдаваясь в детали, Сайкин объяснил Пашкову, что им нужно увидеться сегодня вечером, и пригласил заехать к себе часам к одиннадцати. «Возьмите такси и приезжайте, я заплачу. Очень жду», – сказал Сайкин, заканчивая короткий разговор.

Сейчас, стоя на балконе, он, вглядываясь в темень, ждал скрипа тормозов, звука хлопающей дверцы, но внизу у дома стояла тишина. В доме напротив гасли и зажигались окна. Окурок, брошенный вниз, блеснул красным огоньком и исчез в темноте. Оперевшись локтями на балконные перила, Сайкин опустил глаза вниз на черные деревья. Рассказ, чтение которого он только что закончил, произвел странное впечатление. И Сайкин не мог бы однозначно сказать, понравился этот рассказ или нет. И назывался он странно: «Уголек и женщина с яйцами».

Дело происходило в захолустном райцентре, на станции, где поезда дальнего следования останавливаются всего на две минуты. И зимой и летом на этой голой станции дули злые не

стихающие ветры. Неподалеку находился рынок, куда героиня рассказа Надя приезжала продавать домашние яйца.

Собственно, эти яйца были только предлогом, пользуясь которым, Надя могла без лишних расспросов, избежав пересудов, выбраться из своей деревни в райцентр. Там в известные ей дни и часы останавливался поезд, в котором работал проводником ее возлюбленный Уголек. Это был чернявый шустрый парень с замашками уголовника. Он приторговывал водкой и пускал левых пассажиров.

С Надей он познакомился, когда его, больного, сняли в райцентре с поезда. Уголек поправлялся, от нечего делать околачивался возле станции и также от нечего делать познакомился и влюбил в себя Надю, понравившуюся ему своими внушительными формами. Для Уголька это было мимолетное увлечение, короткий дорожный романчик. Для Нади – любовь, которую она ждала всю свою трудную неинтересную жизнь.

В часы свиданий, отведав Надиной любви, болтливый Уголек рассказывал ей байки о дальних увлекательных поездках, синем море и той красивой жизни, которую повидал из окна вагона.

Убогое вранье Уголька казалось Наде, сроду не выбиравшейся дальше областного города, чудесной сказкой. Она верила и не верила и все больше влюблялась в романтическую натуру Уголька. Наконец проводник, истомившись от вынужденного безделья, поправился и уехал.

С тех пор Надя ходила встречать его поезда, а для отвода глаз сельчан торговала яйцами на рынке. Минутная встреча с любимым, пустой разговор – и новое ожидание. И так без конца. И это было Надино счастье. Но вот раз Уголек не приехал, и другой раз поезд пришел без него. Через знакомых Надя узнала, что ее проводника перевели совсем на другое направление и мимо их райцентра он ездить больше не будет. Ни адреса, ни фамилии. Уголек – вот и все, что знала о нем Надя. Искать его она не стала.

Женщина твердо верила, что он вернется, обязательно к ней вернется, уже насовсем. Она все так же ездила на рынок с яйцами на продажу и ждала на станции поезда, как брошенная собака хозяина. И ветер все так же обдувал голую станцию, и мир вокруг оставался таким же безучастным и к горю людскому и к радостям.

«Что это за рассказ? – думал Сайкин, стоя на балконе. – То ли это сатира на нашу убогую провинциальную жизнь, то ли просто Пашков давит на слезные железы. Непонятно. Но если это сатира, заслуживает ли Надя со своим добрым сердцем и ей подобные добрые люди этого плевка? Ну, с этим Угольком все ясно: дешевый подонок, каких пруд пруди. Да и туповатая Надя со своей большой бессмысленной любовью тоже хороша... Наконец, эти двусмысленности: женщина с яйцами. К чему это?»

* * *

Стало прохладнее, ветер стих. Сайкин услышал, как в прихожей отчетливо тренькнул звонок. Он пошел открывать дверь, думая, что Пашков, не привыкший к удобствам, конечно же, не воспользовался такси, а добирался на метро. Не спрашивая, Сайкин распахнул дверь и впустил Пашкова в прихожую. «Неплохо выглядит старик после отдыха на море, – подумал он. – Можно бы его к врачам на консультацию отправить, пусть подлечится». Прерывисто дыша, Пашков с усилием стягивал тяжелые, до блеска начищенные ботинки.

– Лифт не работает, пешком поднимался, – сказал вместо приветствия Пашков. – Поздно вы, Виктор Степанович, назначаете деловые встречи.

– Для деловых встреч не существует понятий «поздно» или «рано», на то они и деловые, – проворчал Сайкин, жестом приглашая писателя в свой кабинет.

Горела только настольная лампа, ярко освещавшая пухлые папки с тесемками. Сайкин зажег верхний свет, глядя, как медленно Пашков идет к стулу у письменного стола, снова

подумал почему-то о врачах. Сходяв на кухню, Сайкин поставил на поднос початую бутылку коньяка, рюмки, вазочку с печеньем, чищенные орехи, заварил крепкий растворимый кофе. Он вернулся в кабинет, поставил поднос на низкий журнальный столик на колесиках и подкатил его ближе к Пашкову. Сайкин наполнил рюмки.

– Давайте выпьем за то, чтобы наше деловое сотрудничество и в дальнейшем оставалось столь же плодотворным, – сказал он.

Пашков криво усмехнулся.

– Вы, Виктор Степанович, стали изъясняться высокопарно. Откуда это?

– Просто я доволен нашим сотрудничеством.

– Бросьте, какое уж там сотрудничество. Издеваетесь вы, что ли? – Пашков поднял рюмку и отпил глоток коньяка.

– У меня есть к вам предложение. – Сайкин дотянулся до пачки сигарет, лежавшей на письменном столе, и закурил.

– Ведь вы вызвали меня среди ночи не для того, чтобы вести литературную дискуссию?

– Не вызвал, а просто попросил, если вы можете, приехать. Из этого, – Сайкин показал пальцем на папки, – выбрал несколько рассказов, из которых составим большой сборник. Вот список рассказов, которые хочу в него включить.

Он потянулся к письменному столу и подал Пашкову свои записи на листке бумаги. Писатель бегло просмотрел заголовки отобранных рассказов и положил листок на прежнее место.

– Все рассказы мне дороги по-своему. Вы решили издать именно эти, что ж, ничего не имею возразить.

– Может, у вас какие-то иные предложения?

– Нет у меня никаких предложений.

– Вы не будете возражать против некоторых сокращений?

– Конечно, буду. Но что это изменит? Делайте, как знаете.

Пашков махнул рукой, будто отгонял надоевшую муху. Сайкин помолчал, докурив сигарету и раздавил окурочек в пепельнице.

– Да, вот хотел спросить о рассказе про женщину с яйцами. Если я не ошибаюсь, эта история, так сказать, плод авторского воображения?

– Напротив, эта история – правда, чистой воды. Я лично знал своих персонажей. Познакомился с ними много лет назад. Тогда меня, как злостного тунеядца, выслали из Москвы и трудоустроили сцепщиком вагонов на том самом железнодорожном узле. Там я заработал ревматизм.

– Значит, это правда? Ну, про эту Надю, про Уголька? Осталась какая-то недосказанность.

– А что, собственно, тут досказывать? – удивился Пашков. – Этот Уголек никогда бы не остался с Надей. Не тот человек, перекасти-поле. Правда, в жизни у этой истории иной финал. Уголька вовсе не переводили на другое направление. Так уж вышло, что однажды в его вагоне ехала компания бывших уголовников, одного из которых Уголек знал по зоне. Всю ночь они пили, а к утру, совершенно очумевшие от водки, проиграли Уголька в карты и выбросили из поезда на полном ходу.

– А что же было с Надей? – спросил Сайкин.

– А ничего. Когда я уезжал из райцентра насовсем, она по-прежнему торговала на при вокзальном рынке яйцами.

– Она знала, что случилось с ее проводником?

– Узнала. Потом.

– Почему же этого нет в рассказе?

– В жизни так мало счастливых развязок. Пусть хоть надежда какая-то остается.

– Я бы на вашем месте написал по-другому, – сказал Сайкин.

– Вы на своем месте, – возразил Пашков. Сайкин взял с письменного стола листок со списком рассказов и вписал в него еще один рассказ.

– Кстати, я заметил, вы как-то не по-доброму относитесь к своим собратьям по перу. – Сайкин, ведя разговор в нужном ему направлении, хитро заулыбался и наполнил рюмки.

– У меня нет собратьев по перу, как вы выражаетесь. Я сам по себе.

– И все-таки в вашем отношении к писательской братии много личного.

– Что вы имеете в виду?

– Прошу, не делайте удивленные глаза, вы не умеете играть удивление. Вот, например, ваш знакомый Крыленко. Ему вы многим обязаны в жизни.

– А, вот о чем речь, – вздохнул Пашков.

– Да, речь о вас, о прошлой вашей жизни. Она, эта жизнь, могла бы пойти совсем по другому пути. Но фишка не легла. – Сайкин сделал глоток коньяка. – Вас зашибли еще на самом старте, поэтому всю дистанцию вы едва ковыляли, а потом и вовсе сошли с нее, уселись на придорожный камень и предоставили дорогу идущим. Так вы и просидели, словно ожидая встречи со мной. Тем не менее, старт, простите за спортивную терминологию, обнадеживающий. Рассказы в журналах... Позднее выходит ваша книжка.

Пашков согласился:

– Удача для начинающего писателя, еще молодого человека.

– Но беда в том, что кому-то всегда нужны мальчики для битья. Вас отшлепали в одной газетной статейке, провели разведку боем, чтобы выяснить, стоит ли за вашей спиной сколько-нибудь влиятельная фигура. Но ведь вам не нужны были покровители, по собственному выражению, вы были сами по себе, вне коллектива, вне установленных правил игры.

Сайкин допил коньяк и внимательно посмотрел на Пашкова, остававшегося невозмутимым, будто речь шла не о нем.

– Эта статейка должна бы послужить вам сигналом. – Сайкин потер ладонью шею. – Нужно было куда-то бежать искать защиты, покровительства. Но вы в подобные игры не играете. Вы слишком гордый человек, чтобы просить помощи. Время было упущено. На первый укус вы не отреагировали, значит, решает критик Крыленко, можно дать залп из всех стволов. Это уже тяжкие обвинения, это тяжелая артиллерия.

– Крыленко молодой критик, – сказал Пашков. – Ему нужно делать имя, значит, нужен более или менее громкий скандал.

– Он пинает вас, безответного, молодого, как и он, неопытного. Помните статью «На обочине»? Впрочем, такое вряд ли забудешь. Ваши герои, пишет он, такие убогие в своем мещанстве, индивидуалисты, стоят далеко в стороне от общественной жизни страны, магистральных путей истории, не занимают активной жизненной позиции, они добровольно ушли на обочину жизни. Помните? Еще тот лексикончик.

Пашков молча кивнул.

– А помните, что он писал о ваших отрицательных героях? Где вы взяли этих вырожденков? Это про тот рассказ, где солдат не успевает из-за всяких дураков на похороны собственной матери. Дескать, такого просто быть не может в нашем обществе. Вот вам ксерокопия этой статьи. На добрую память.

Он вынул из верхнего ящика стола лист бумаги с ксерокопией статьи «На обочине» и протянул Пашкову. Писатель, не выражая внешнего интереса, пробежал текст глазами, задумался на минуту.

– Отчасти Крыленко прав, моя первая книжка прозы довольно беспомощна, – неожиданно сказал он, вчетверо сложил лист и сунул его во внутренний карман пиджака. – По большому счету, обижаться тут не на что.

– Ну вот, вы и договорились. Человека смешали с грязью, а вы даже обидеться не хотите. Крыленко изгилялся над вами вовсе не потому, что ему не нравилась ваша проза. К вашим

рассказам он остался равнодушен. Просто вас можно было пнуть ногой и не получить ответа, приговор критика обжалованию не подлежал. Полемика на газетных страницах не поощрялась. Он вытер о вас ноги и пошел дальше своей дорогой. Его карьера в отличие от вашей еще только начиналась. Потом, спустя время, он просто забыл о вас. Крыленко влекли другие жертвы его ядовитого пера и другие объекты восхвалений.

– Не понимаю, зачем ворошить прошлое?

Пашков поскреб затылок. Слухи о карьере Крыленко до него доходили.

Критик в скором времени после той газетной публикации попадает в обойму, перед ним одна за другой начинают распахиваться двери высоких кабинетов. Он обретает надежных покровителей.

Умение держать нос по ветру, чутя заранее, куда ветер подует и когда он переменится, – великая способность. Она ни разу не подводила Крыленко. Его вчерашние товарищи тонули и шли на дно, а Крыленко помогал сделать этот процесс более болезненным и громким. Другие уезжали за рубеж, махнув рукой на все, в надежде обрести там если не популярность, то хотя бы достойную человека жизнь, – и он бил таких наотмашь, проклиная диссидентов.

Опусы Пашкова стали тем материалом, из которого Крыленко строил свое благополучие. Удивительно, но в писательской среде его считали человеком принципиальным. Не создав ровным счетом ничего, он получил все, о чем только мечтал. И в последние годы этот старый конъюнктурщик быстро адаптировался ко всему новому и только приумножил свои капиталы.

Отрава чудесным образом превращалась в его руках в живую воду. Да, времена изменились. Отверженные диссиденты вернулись на родину чуть ли не героями и стали друзьями тех, кто их недавно проклинал. Все перемешалось. Многие так и не поднялись со дна. Те и другие предпочитают не поминать старого.

Сайкин бросил в рот горсть чищенных орехов.

– Крыленко входит в редколлегию одного толстого журнала, – сказал он. – Но журнальное дело – далеко не самое главное для него. Крыленко принадлежит одно авторитетное издательство. В основном он издает большими тиражами такие вот коммерческие книги западных авторов, – показал Сайкин пальцем на книжные полки.

– Хорошо, но зачем вы мне все это рассказываете? – спросил Пашков тусклым голосом. – Ведь действительно ничего не мог сделать.

– Могли, и должны были сделать. Кроме дуэли существует немало способов остановить любого негодяя.

– Вы толкаете меня на уголовщину.

– Это против вас действовала уголовщина, а вы и вам подобные не смогли их укоротить. Тоже мне, герои своего времени. Эх, вам жизнь сломали, а вы сделали вид, что к этой жизни вообще равнодушны. Ломайте, плевать. И захлопнули свою раковину. Простите за не деликатный вопрос. Почему вас жена оставила?

– Ей было тяжело после всего этого. В отличие от меня Ольга человек легко ранимый, с тщеславными амбициями, которые она связывала со мной. Она не умела переживать неудачи. Моя бывшая супруга умный, я бы даже сказал тонкий, человек. Она видела, что борьба, вернее травля, ведется грязными методами, сочувствовала, от всей души жалела меня. Не смогла переступить через свою натуру. Не могла разделить жизнь и судьбу с неудачником. Понимаете?

– Понимаю, – сказал Сайкин задумчиво.

Пашков долго молчал, он вспоминал давние события своей жизни, события, которые старался забыть.

* * *

В ту пору жена Ольга пыталась заставить его бороться за самого себя: сходи к тому, сходи к этому, добейся встречи. Он ходил, попадал на приемы к второстепенным чиновникам. Пашкова, издавшего единственную книжку, они знать не знали, о Крыленко уже кое-что слышали.

Но Пашков, понуждаемый к действиям Ольгой Борисовной, все обивал пороги каких-то литературных секций и отделов, где его убеждали, что главное оружие писателя – это его перо, а не язык. Мол, ответьте своему оппоненту новым произведением, где допущенные вами просчеты будут устранены, говорили мне. И он был готов ответить, учесть все недоработки и промахи, энергия перехлестывала через край, хотелось действовать, работать.

Это поощряло Пашкова к дальнейшей, как он тогда думал, борьбе за собственное доброе имя. Ему говорили: «Зайдите на следующей неделе, мы все выясним. Как же так, необоснованная критика, вас же хотели в Союз принимать». Говорили: «Вы, творческая молодежь, – наша надежда, наш завтрашний день». Он приходил снова и снова. Пашкову говорили: «Правильно, что пришел». Но почему-то никто ничего не решал, никуда не звонил, ни с кем не советовался. Не происходило ровным счетом ничего.

Вся эта мышьяная возня вокруг статьи «На обочине» снискала Пашкову славу литературного сутяжника. Писатель Болиславский, специализировавшийся на деревенской прозе, – не последний человек в Союзе, – сказал Пашкову, пригласив в кабинет: дескать, что раздул такую склоку вокруг критики в свой адрес?

Вид у Болиславского был не блестящий. Под глазами мешки, лицо серое. Он только что вынырнул из глубокого запоя только для того, чтобы показаться на глаза коллегам перед тем, как снова запить. Это был короткий период просветления. Через год он умрет во сне от сердечной недостаточности.

Трезвый он был неприветлив. Орал: «Почему ты ходишь и воняешь здесь, как невымытый жид, почему что-то выклянчиваешь для себя? Покритиковали говнюка, подумаешь, какой обидчивый. Пиши так, чтобы не критиковали», – так орал он, срываясь на матерщину. В его словах не было и доли правды, тем обиднее становилось. Пашков ничего не выпрашивал, кроме возможности ответа критику через газету.

Потом Болиславский успокоился, заявил, что Пашков хороший парень, а за одного битого двух небитых дают. Он первый готов дать рекомендацию в Союз писателей, он поддерживает Пашкова, и вообще надо было прийти раньше, тогда бы история эта не появилась на свет, Болиславский нашел бы возможность поставить этого молокососа Крыленко на место. Ну, и так далее. «Хочешь, я позвоню в газету прямо отсюда, из кабинета, позвоню заведующему отделом критики?» – то и дело спрашивал Болиславский и даже поднимал телефонную трубку. Но почему-то никому не звонил, а клал трубку на место.

В общем, ободряющие слова Болиславский произнес, он их много знал, ободряющих слов. Но ясно стало: с приемом в Союз нужно обождать до лучших времен. «В конце концов, ты сам во всем виноват. Не умеешь интриговать, не интригуешь. А теперь проваливай, склочник ты этаким», – Болиславский дружески хлопал Пашкова по плечу. Болиславский хотел тогда побыстрее закончить разговор. Тяготился собственной трезвостью. Больше они никогда не встречались. Год спустя Пашков пришел на его гражданскую панихиду.

Вся эта история с безрадостным хождением из приемной в приемную, из комнаты в комнату, от чиновника к чиновнику порядком надоела. Разговаривая с людьми, которые ни за что не отвечают, Пашков чувствовал, что тратит время на что-то недостойное. Но Ольга желала реванша. Она была готова смириться с любыми возможными скандалами и склоками вокруг имени мужа, но только не с его забвением. Эту жалкую эпопею она называла борьбой.

Она не уставала твердить, что сейчас, именно сейчас нельзя складывать оружия. И Пашков не переставал удивляться искренней серьезности ее чувств. Ведь сам испытывал безразличную отстраненность, понимал, что людям, с которыми он имеет дело, по большому счету, глубоко безразлично и мое имя, которое они почти не знали, и его судьба. Он пешка, которую жертвуют просто потому, что, играя, нужно передвигать фигуры.

Ольга тоже поймет это. Только позднее. И это понимание малой величины мужа в чужих, не очень-то и значительных играх станет для жены серьезным психологическим испытанием.

* * *

Побывал Пашков и в редакции газеты, где работал Крыленко. Одна из попыток заставить критика на месте, за рабочим столом, увенчалась успехом. В ту пору попасть в редакцию газеты было относительно несложно, тем более что сам Крыленко не пытался избежать встречи.

Крыленко, подтянутый, молодой, в стильном пиджаке и при галстуке понравился бы Пашкову, несмотря на заочную неприязнь, если б не пользовался лексиконом завязтого автора передовиц. И еще этот взгляд, ускользающий в пространстве. Он никогда не смотрел в глаза собеседнику. Крыленко поднялся из-за стола, подал руку и удивился, когда Пашков не протянул своей руки.

За соседним столом сидел какой-то сумеречный малый и, отхлебывая из стакана кофе, читал толстую книгу. Крыленко усадил посетителя на стул напротив себя, осведомился, не дует ли здесь. Больше он вопросов не задавал. Он заявил, что знает, зачем Пашков пришел. После этого он потер ладони и пространно изложил мне тезисы своей статьи «На обочине», блуждая взглядом по стенам комнаты. Впечатление было такое, будто он прочитал свой материал вслух.

Крыленко закончил свое выступление и добавил как бы от себя, что обижаться на справедливую критику не стоит, статья могла бы быть и позлее, похлеще. А вообще-то позиция, занятая по отношению к книжке Пашкова, – не его личная позиция, это позиция редакции, он лишь автор, статья прошла все инстанции, в том числе редколлегия, и была согласована там. Палец Крыленко показал куда-то вверх, и Пашков невольно посмотрел на потолок.

Потом Крыленко впервые с момента начала своего монолога посмотрел в глаза гостя и спросил: «У меня есть информация, что вы посещаете Союз писателей и распространяете обо мне заведомо ложную информацию, правильно?» Пашков еще раз поразился убожеству лексикона газетного критика. «С этим я мириться не могу и не буду», – заявил Крыленко.

После этих слов Пашкову пришлось оправдываться, доказывая: информации лично о Крыленко он вообще не имеет, тем более заведомо ложной информации, поэтому не может ее распространять. Крыленко закивал, улыбнулся загадочно, как китаец, и, судя по всему, не поверил ни единому моему Пашкова.

Наконец, Пашков произнес ту домашнюю заготовку, ради которой, собственно, и пришел. Он сказал, что, поскольку наша дискуссия не спор двух частных лиц на около литературную тему, а начата на газетных страницах, там должна быть и продолжена. Дело ведь касается не только одного Пашкова, а целого направления в литературе, – так заявил он с гордостью.

В то время Пашков не был чужд излишней самоуверенности, позже это прошло. Крыленко артистично сделал большие глаза и тут же согласился: «Да-да, эту полемику непременно надо продолжить, я сам в этом крайне заинтересован. И именно на газетных страницах». От неожиданности Пашков чуть со стула не грохнулся. Вот ведь как все просто, нужно было сразу сюда идти, а не околачивать пороги в Союзе.

Крыленко выдержал паузу и сообщил, что в отдел принимают рукописи объемом от пяти до пятидесяти машинописных страниц, и поинтересовался, нет ли с собой уже готового материала. Когда услышал «нет», казалось, очень огорчился, словно Пашков его серьезно подвел. «Итак, жду от вас рукописи», – подытожил он, поднялся из-за стола и распахнул дверь.

Пашков постоял в темном коридоре, удивленный результатом разговора. «Ходят тут всякие пидоры, потом вещи пропадают», – сказал за дверью Крыленко, обращаясь, видно, к тому малому за книгой, но ответа не было. Пашков потащился к выходу, понимая, что рукопись будет принята лишь для хранения в письменном столе Крыленко. Полежит-полежит, да и выкинут в корзину.

«И ты не плюнул ему в лицо? Ты не набил ему морду?» – спрашивала вечером Ольга со слезами в голосе. «Ты тряпка, половая тряпка, а не мужик», – сказала она и заплакала. «Как ты представляешь себе эту сцену? Я врываюсь в кабинет и бью Крыленко в ухо?» – оправдывался муж. «Для этого у тебя кишка тонка», – раньше она не позволяла себе подобный тон.

Дело закончилось самым естественным образом.

Пашков написал на нескольких страничках нечто вроде статьи в защиту своей книги, где начисто отмел все обвинения Крыленко. Своего злого гения он в редакции не застал. В составе творческой делегации, куда входили прозаики, поэты и композиторы, Крыленко отбыл в Сибирь. Где-то там построили новую электростанцию. Присутствие творческой интеллигенции на событиях такого рода почему-то считали уместным, даже нужным. Пришлось передать рукопись непосредственному начальнику Крыленко, заведующему отделом критики некоему Льву Вайзману.

Он нехотя, с ленцой послунывил статью и резюмировал: «Значит, вы не принимаете ни грамма критики?» – и ответил сам себе. – Не принимаю». Пашков сказал, что критика полезна, лишь когда справедлива, а статью «На обочине» он считает демагогией. Вайзман был достаточно умен и осторожен, чтобы не вступать в споры. Поэтому он сказал, что сам, по существу, ничего не решает. Он берет на себя труд ознакомить с материалом членов редколлегии. Решающее слово будет за ними. Разговор закончен.

Напоследок Вайзман посмотрел на Пашкова из-под своих кустистых черных бровей и сказал: «Вы, я вижу, еще молодой человек, а сумели создать себе репутацию весьма скандальную. О вас говорят разное. И не знаю, кому верить. Получается, как у Гоголя: то ли вы у кого-то украли пальто, то ли пальто украли у вас. О пальто я, конечно, в фигуральном смысле». Он ткнул пальцем в машинописные страницы: «Ни этого мы ждали от вас, совсем ни этого».

Пашков ушел, размышляя о том, что у большинства его знакомых молодых писателей не было опубликовано ни то, что книжки, ни единой строчки. По этой причине критики их существования просто не замечали. Конечно, слабое утешение. Спустя некоторое время Вайзман позвонил сам, сухо сообщил, что редколлгией материал единодушно отклонен и пожелал успехов, но не в эпистолярно-склочном жанре, а в литературе с большой буквы.

Через два года Вайзмана уберут с его места заведующего отделом, не дав досидеть до пенсии совсем немного, а в его кресло пересядет перспективный, набирающий силу и очень нетерпеливый Крыленко. Много позднее Пашков встречал Вайзмана на Кузнецком мосту, где тот из-под полы торговал книгами. Пашков частенько околачивался на книжной толкучке. Помнится, Вайзман панически боялся милиции и возможного в случае задержания товарищеского суда по месту жительства. Потом он вдруг перестал появляться на Кузнецком, и больше о нем никто ничего не слышал.

Ольга Борисовна ушла от Пашкова примерно год спустя после того памятного разговора с Вайзманом в редакции. Позже она связала свою жизнь с подающим надежды режиссером, но и этот союз оказался недолговечен. В творческом плане режиссер не оправдал, ольгиных ожиданий. Вышедшую картину пустили вторым экраном, кинокритики сдержанно промолчали. Возможно, Ольга и нового мужа убеждала бороться за свое имя. Так или иначе, они скоро расстались. Ольга ревнива, а режиссер, судя по сплетням, был похотливый малый.

Она нашла свое счастье с отставным полковником, вдовцом, правда, для этого пришлось сломать об коленку свою натуру, навсегда проститься с тщеславными амбициями. Оказалось, что отставной полковник был самым удачным ее выбором. Ольга к тому времени очень устала

от так называемых творческих личностей, желала спокойной и прочной жизни. Она заслужила душевный покой.

Когда Пашкова выслали из столицы, как тунеядца, она узнала его новый адрес, несколько присылала посылки с конфетами и папиросами.

* * *

Пашков достал из кармана и расправил на коленях ксерокопию статьи «На обочине». Перечитав несколько абзацев, он убрал бумагу в карман.

– Да, кондовый материалчик, – сказал Пашков. – А сколько было эмоций, сколько нервов. Трагедия.

– Знаете, почему я вытащил всю эту историю? – спросил Сайкин. – Нет? Просто, как я уже говорил, Крыленко владеет одним из лучших издательств, «Прометей-Европа» называется. Прекрасную продукцию выпускают, бумага, полиграфия, все на высоте. Да, Крыленко марку держит. Но прихоть судьбы такова, что сборник ваших рассказов, а впоследствии все остальные вещи, полное собрание сочинений, выйдут именно в издательстве «Прометей-Европа». Ну, как вам все это нравится? Я же говорил, что каждая история имеет свое продолжение. Иначе неинтересно.

Сайкин искренне радовался своему сюрпризу. Пашков выглядел слегка удивленным, и только. Он так и не научился быстро переваривать информацию.

– Занятно, занятно, – пробормотал Пашков себе под нос. – Мне кажется, вы сделали не лучший выбор.

– Лучший, в том-то все и дело, – Сайкин сиял, довольный сюрпризом. – Только представьте, Крыленко издает ваши книги. Да, жизнь – это роман, достойный пера большого автора, великого автора.

Пашков явно не разделял веселого настроения Сайкина. Еще раз окинув взглядом стеллажи с книгами, он снова высморкался.

Глава 5

Ночь Владимир Петрович Крыленко провел на кожаном диване в своем домашнем кабинете. Привыкнув работать допоздна, он засиделся за рукописью. В спальню не пошел, приняв легкое снотворное, заснул здесь же, укрывшись теплым клетчатым пледом, подложив под голову подушку-думку.

Его не потревожило позднее возвращение сына. Такое поведение сына давно стало нормой, и Владимир Петрович, одно время упорно настаивавший, чтобы сын приходил не позднее двенадцати часов ночи, смирился с поздними этими возвращениями и утешал себя, что сам когда-то был молодой и многое позволял себе в ту далекую пору. В конце концов, все это издержки возраста, пена на шампанском молодости, которая пошипит и быстро уляжется, – успокаивал себя Владимир Петрович. Но понимал, что эти утешения – лишь нехитрый самообман.

Сергей, сохранявший с отцом внешне приличные вежливые отношения, становился все менее управляемым и все более скрытным. О том, какую жизнь ведет сын в последнее время, старшему Крыленко оставалось только догадываться. А известные эпизоды биографии Сергея казались отцу настолько скандальными и постыдными, что долго думать о них было нестерпимо.

Иногда, в минуту горькой внутренней откровенности, он бегло окидывал прошедшие годы и сознавался себе, что, кроме больших и малых бед, Сергей почти ничего не привнес в жизнь отца. Надежды найти в сыне утешение и поддержку в старости, как ни больно себе в этом сознаться, пока не оправдались. Впрочем, не все потеряно.

Каких связей, каких денег стоило отцу замять уголовное дело, возбужденное против Сергея в Кисловодске, где тот одно время жил с матерью. Не мелочевка какая-то, серьезное дело.

На огромной даче одного из местных тузов, где несколько суток кряду гуляла компания «золотой молодежи», изнасиловали и убили несовершеннолетнюю девчонку. И поди докажи, что девчонка давала всем желающим по доброй воле, а убийство не что иное, как несчастный случай. На теле-то семнадцать колото-резаных ран.

Труп провалялся двое суток в ванной, пока компания, где главным заводилой считался Сергей, гуляла напропалую. Убитая оказалась бродяжкой без роду-племени, приехавшая в теплые края в поисках приключений. Такие девки, как мухи, слетаются на юг по первому теплу, вызывая раздражение жителей и властей. Это обстоятельство помогло вытащить Сергея, хотя главное дело, как всегда, сделали отцовские деньги.

И по сей день, задумавшись о той памятной попойке сына в Кисловодске, Владимир Петрович не признавался себе самому, что Сергей хоть как-то причастен к убийству этой бродяжки. Сын утверждал на следствии, что находился в полной отключке, а убитую ни разу в жизни не видел. Позднее, когда отец забрал его из изолятора временного содержания, слабого, беспомощного, долго приходившего в себя после оргии, Сергей и ему повторил, что решительно ничего не помнит.

Под тяжелым взглядом начальника городского следственного управления Владимир Петрович, попросивший об этом одолжении, читал протоколы допроса свидетелей и заключение судебного эксперта. Позже наиболее опасные бумаги превратились в пепел в металлической мусорной корзине. Крыленко читал, преодолевая себя, испытывая стыд и гадливость, думая, что напрасно попросил об этой услуге своего земляка. Лучше всего этого не знать, такая грязь.

Главное же, весь этот сброд, эти молодые подонки показали на следствии, что Сергей приехал на дачу в компании двух девиц, одной из которых и была убитая. Все дальнейшие события, воссозданные в протоколах, однозначно говорили о том, что Сергею можно предъяв-

лять обвинение в умышленном убийстве. Но милиция не давила, там знали, дети каких родителей гуляли на даче, знали, что убитая была залетной проституткой. И вели дело, как надо.

Но и в Москве Сергей редко давал отцу спокойно заснуть. За хранение наркотиков он отсидел восемь дней в Бутырской тюрьме. Стараниями Владимира Петровича, пустившего в ход все свое влияние, дело замяли, обвинение Сергею даже не предъявили. Потом были дела попроще. Задержание при покупке на Черемушкинском рынке анаши у кавказцев, то же самое на Савеловском вокзале, где Сергей, уже совершенно обкурившийся, невменяемый, уговаривал какую-то темную личность продать ему несколько косяков за полцены, а потом полез с кулаками.

Седых волос стоило Владимиру Петровичу известие о женитьбе сына на больничной медсестре Лене. Эта особа, играя на слабостях сына, посмела втихаря оформить этот брак, поставив его, Крыленко, перед фактом. Сергей же просто решил, что наркотики обойдутся ему дешевле, если он женится на этой козе.

Владимир Петрович не обмолвился словом сыну о том, что знает о его женитьбе. Крыленко-старший отослал жену проверить дом в Кисловодске, благо, к таким поездкам она давно привыкла, чтобы жена, не дай Бог, не узнала об очередной аванюре Сергея. Сам Владимир Петрович тут же появился на пороге Лениной комнаты в загаженной коммунальной квартире. Легкое волнение не помешало ему твердо и очень доходчиво объяснить медсестре, что все ее расчеты заполучить обеспеченного мужа не оправдались. Если Лена станет упорствовать и не захочет по доброй воле расторгнуть брак с Сергеем, за хищение и сбыт наркотиков ее ждет тюрьма. Лена не верит ему на слово? Ладно, с обыском у нее будут уже через час и обязательно, непременно найдут что надо.

Эта ушлая медсестра, надо отдать ей должное, оценила ситуацию очень быстро, лишь повздыхала и слегка всплакнула. «Сергей пока студент, – сказал Крыленко. – Сперва он закончит университет и только потом подумает о женитьбе. Но, конечно, не на вас».

Владимир Петрович пообещал ей свою дружбу и протекцию в случае, если она навсегда забудет дорогу к Сергею. Крыленко оставил на туалетном столике скромную сумму и церемонно откланялся, пообещав дать денег еще после того, как все формальности будут улажены. Вечером он поговорил с сыном и забрал у него паспорт. Сергей выглядел слегка растерянным, но не более того, пробовал улыбаться, убеждая отца, что Лена – далеко не худший вариант.

Через пару дней Сергей получил свой паспорт назад. Он был чистым. Тем не менее, Лена окончательно не исчезла из жизни сына и семьи Крыленко. О ее существовании напоминали пустые ампулы амнапона или прамидола, использованные разовые шприцы, которые Владимир Петрович время от времени находил в самых неожиданных местах своей квартиры.

Крыленко снова посетил Лену, напомнил ей об их джентльменском соглашении и снова дал понять, что его прошлые угрозы не пустые слова. Лена разрыдалась, Владимир Петрович ушел, не оставив денег. «Что вы, дети, делаете с нами, родителями? Неужели всей нашей жизнью мы заслужили такое?» – обратился он к Лене в дверях и, спускаясь вниз к машине, думал о том, что на такую стерву патетика не действует, а денег, пожалуй, надо было дать.

Он сменил лечащего врача сына, найдя, по отзывам, чудо-доктора. Этот новый Илья Егорович, хотя и запрашивал чрезмерные гонорары, внушал Крыленко, не экономившему на здоровье сына, уважение. А насчет больших гонораров... В конце концов, даже приятно, когда человек знает себе цену.

Доктор стал появляться в их квартире довольно часто и отнестся к Сергею внимательно. Крыленко заметил, что сын прибавил в весе, а руки его дрожат уже не так сильно, как раньше. Иногда по утрам, а в это время Сергей спал особенно крепко, отец заходил в его комнату и внимательно разглядывал локтевые суставы и запястья сына. Свежих следов уколов, похожих на прыщи, не попадалось, и отец думал, что гонорар врачу, если так и дальше пойдет, можно бы и прибавить.

Владимир Петрович не хотел смотреть на сына как на человека пропащего, надеялся спасти его от недуга. Конечно, выздоровление скоро не придет, Крыленко-старший прожил жизнь и далеко не наивен, чтобы надеяться на полное скорое выздоровление. Но сейчас сын, по словам врача, чувствовал себя лучше, чем полгода назад, – а это уже кое-что.

Как бы то ни было, надо бороться за Сергея. На этом пути много трудностей, но нельзя отступать. Последний раз Илья Егорович, привычно поглаживая окладистую седеющую бороду, сказал, что состояние Сергея вполне приличное и, если удастся избежать эмоциональных перегрузок, стрессов, здоровье будет улучшаться и дальше. Врач все поглаживал бороду с глубокомысленным видом, словно собирался сказать что-то важное.

Владимир Петрович, знавший, что наркоманы живут, как правило, не более пяти-шести лет, напрямик спросил, сколько останется сыну в случае возможного рецидива. Но врач ушел от прямого ответа, заявив, что, дескать, многое зависит от тех препаратов, которые станет в случае срыва принимать Сергей. Надо же, «препаратов», нечего сказать, нашел слово. Отрава – вот название.

«В случае срыва желательны химически чистые и относительно слабые наркотики, а не суррогаты», – говорил врач и бесстрастно поглаживал бороду. Крыленко злился, этот бородач изрекал прописные истины, напуская на себя такой умный вид, будто выступал на ученом совете. «Вообще же, – заключил Илья Егорович, – в случае срыва амбулаторное лечение станет невозможным, Сергея придется поместить в стационар, но пугаться такого печального, на первый взгляд, итога не следует». Владимир Петрович подумал, что лучше уж скорая смерть сына, чем такой исход.

Он уже видел, как люди превращаются в животных, и не враг сыну, чтобы желать ему такого. Нет, никаких срывов допустить нельзя. Сергей отошел от края, его состояние значительно улучшилось, скоро он окончит университет, у парня большое будущее, которое он не разменяет на грязноватую мелочь сомнительных, более чем сомнительных, удовольствий. Только вот не мешало бы отцу лучше узнать приятелей Сергея.

Если товарищи сына по университету, ребята в основном из чиновничьего сословия, внушали некоторое доверие, то среди других, неизвестно откуда появившихся знакомых, попадались экземпляры еще те. Какие-то безлошадные люмпены, сопливые актеришки с замашками голливудских звезд с аскетическими фигурами и блуждающими в пространстве взглядами, художники, естественно, авангардисты, потому что ничего, кроме абстрактной пачкотни, и написать не могут, все как на подбор гоношистые, горластые.

Ничего в них нет, кроме неоправданных амбиций. Дешевка. Хорошо, что Сергей серьезно не увлекается этой скотской богемной жизнью. Пусть уж лучше играет в преферанс с однокурсниками и ходит по девкам. В картах Сереже вроде везет, и то ладно.

* * *

Иногда Владимир Петрович задумывался: почему сын, прожив почти четверть века на белом свете, до сих пор не имеет перед собой большой цели, той цели, которой бы стоило подчинить жизнь. Может быть, легкие деньги, безотказность родителей развратили парня, может, затяжная инфантильность – болезнь всего нынешнего молодого поколения? Владимир Петрович не мог найти однозначного ответа.

Казалось, о молодом поколении он способен написать книгу, целое исследование, но не в силах был ответить, почему его родной сын такой. Хорошо еще, мать, Ирина Андреевна, с ее слабым сердцем, по настоянию мужа проводившая большую часть года в Кисловодске, практически ничего не знала о своем сыне. Владимир Петрович давно уже взял все неприятные заботы семьи на свои плечи, как мог оберегал жену от жизненных бурь и серьезных потрясений.

Впрочем, сама Ирина Андреевна, привыкшая к тепличной жизни, была слишком занята собой, чтобы посвятить много времени близким людям.

Окружившая себя приживалками, какими-то народными знахарями и самодеятельными портнихами, она жила в этом отгороженном от большого мира замкнутом душном пространстве и, казалось, была вполне счастлива. От мужа она отделилась давно, и эта дистанция устраивала обоих супругов.

Иногда Владимир Петрович думал, что сыну необходимо чувствовать материнскую любовь и, возможно, следовало бы помочь их сближению. Но, поразмыслив, как следует, Крыленко-старший неизменно приходил к выводу, что мать и сын слишком разные люди, у них нет основы для духовной близости, каждый сам по себе и, кроме уз крови, их мало что роднит. Время, когда эта духовная близость могла возникнуть, упущено давно, теперь ничего не переменить и не вернуть. Пусть все остается, как есть.

Другое дело – отец, с ним Сергей просто не мог не считаться. И Владимир Петрович прекрасно сознавал, что сын, видя силу отца, его влияние, деньги, положение в обществе, на свой лад уважал его.

Это уважение сына льстило Крыленко-старшему и давало некоторую надежду, что со временем Сергей, взявшись за ум, наконец, поймет, что в жизни почем. Набьет на лбу достаточно шишек, чтобы навсегда расхотелось спотыкаться и падать, разбивая в кровь лицо, почувствует интерес к настоящему большому делу, которому отец посвятил ни много ни мало – жизнь.

И может статься, тогда сыну, образованному, позабывшему прежние пороки, сможет отец передать и связи свои, и деньги. Как знать. Эта надежда временами грела Владимира Петровича, но он не обольщался.

* * *

Почти каждый свой день Крыленко-старший начинал с мыслей о сыне.

Вот и сегодня он после ванной заглянул в комнату Сергея. С ночи не выветрился запах табака, видно, парень курил уже в постели. Владимир Петрович взял с журнального столика пепельницу с окурками, по привычке внимательно осмотрел руки сына, лежавшие поверх одеяла, и вышел, прикрыв за собою дверь. Он вытряхнул содержимое пепельницы в мусорное ведро и с некоторым беспокойством выглянул через окно во двор. Спортивная «Тойота» спокойно стояла на асфальтовой площадке перед подъездом, и Владимир Петрович сразу успокоился.

Позапрошлой ночью, уже под утро, какие-то хулиганы обрезком металлической трубы, тут же и брошенной, разбили заднее и два дверных стекла. Сквозь сон, особенно глубокий в предрассветные часы, Крыленко неясно слышал удары и звуки бьющегося стекла, но так и не проснулся. Хулиганы ничего не вытащили из машины, как ни странно, не тронули даже дорожную магнитолу.

По непонятной причине противоугонное устройство, абсолютно надежное, как уверяли специалисты, не сработало, и Крыленко узнал о случившемся от знакомого автомобилиста, поднявшегося к нему в квартиру утром и сообщившего новость. Выйдя на улицу, Крыленко увидел, стоящие рядом машины не тронули, покурочив лишь его одну. Проклиная все на свете, Владимир Петрович поехал на станцию техобслуживания к армянам, в считанные часы они отливали стекла всех форм и размеров.

По дороге он ругал себя за леность – «Тойота» не была застрахована. Армяне брали дорого, в валюте.

Услышав назначенную сумму, Крыленко слегка переменялся в лице. «По моим сведениям, вы просили за боковое стекло по пятьдесят долларов», – только и сказал он. «Точно,

раньше брали пятьдесят», – армянин не собирался торговаться. Крыленко знал, что такие стекла найти трудно, машину выпустили малой серией.

Владимир Петрович прошуршал в бумажнике деньгами и заплатил вперед. Армянин пересчитал деньги, показал ослепительно белые зубы и велел забрать машину уже завтра вечером, все будет готово. Когда Крыленко приехал на станцию за своей «тойотой», выяснилось, что из автомобиля бесследно исчезла магнитола, которую пощадили хулиганы. Спросить, как всегда, не с кого. Хозяин с ослепительными зубами тяжело помрачнел, позабыл русский язык и начал изъясняться бессмысленными междометиями. Крыленко, проклиная себя, что заплатил вперед, так и уехал ни с чем белый от ярости.

...Завтракая вареными всмятку яйцами, Владимир Петрович думал, что за последние полторы-две недели неприятности следуют безостановочно, ежедневно сменяя друг друга. Слава Богу, Сергей сейчас не доставляет лишних хлопот, их отношения, правда, ограничиваются выдачей сыну денег на карманные расходы, ну да это не беда, с сыном они сойдутся ближе, нужно только покончить с неотложными делами.

Зато обнаружилось, что неприятности может причинять Крыленко-старшему не только собственный сын. Последние дни досадные инциденты, как этот с машиной, поражали Владимира Петровича своей нелогичностью, полной бессмыслицей и, казалось, имели единственную цель – полностью лишить человека душевного покоя.

В офисе неизвестно куда исчезли папки с договорами, заключенными с различными смежными организациями. Эти папки, стоявшие на виду, на застекленных полках, пропали во время обеденного перерыва, когда в помещении никого не оказалось. Документов тут же хватились – стоило сотрудникам занять свои места, потребовались треклятые папки, но папок и след простыл. Обыскали все помещения, пошарили в столах: тщетно. Кому понадобились эти совершенно бесполезные для посторонних лиц папки – непонятно. Теперь на всю эту бумажную канитель уйдет уйма времени. Крыленко снова ругал себя, на этот раз за то, что стал излишне доверчив и не распорядился в свое время оставлять документы под замком.

Без всяких видимых причин домработница Людмила Павловна вдруг заявила, что уходит с места, и попросила ее рассчитать. Это оказалось полной неожиданностью для Крыленко. Людмила Павловна – прекрасная расчетливая хозяйка, обихоженная ее руками квартира Крыленко сверкала чистотой, а жульены или белая рыба в вине, приготовленные ею, приводили в восторг даже неисправимых гурманов.

«Людя, ты же проработала у нас почти четыре года. Я считал тебя чуть ли не членом семьи, думал, в наших отношениях деньги – не главное. Если дело только в этом, готов платить, сколько скажешь», – Крыленко был готов на все, лишь бы она осталась. «Я уже договорилась, поздно уже отказываться, – опустила глаза Людмила Павловна. – Там мне валютой платить будут». «Помешались вы все на этой валюте что ли», – выкрикнул Крыленко, выбегая из комнаты.

Людмила Павловна пошла за ним следом на кухню. Он думал пришла мириться, а она положила на стол ключи от квартиры. Крыленко дрожащими от волнения пальцами отсчитал деньги. Людмила Павловна, поджав губы, попрощалась, взяла со стола купюры и ушла, держа спину очень прямо. «Колода деревенская, валюту ей давай, – метался по квартире Владимир Петрович. – Всем валюту давай. На всем готовом жила, как в раю. Валюты ей, суке, не хватало».

Пока он найдет новую домработницу, квартира стараниями сына превратится в хлев.

Тщательно пережевывая вареное яйцо и бутерброд с маслом, Крыленко думал, что теперь, чего доброго, придется ходить по магазинам самому. Конечно, можно выписать обратно из Кисловодска жену, но она никогда не проявляла способностей хозяйки, откуда эти способности теперь возьмутся. Нет, выход один – срочно искать приличную домработницу с солидной рекомендацией.

Владимир Петрович, перед тем как пригубить чашку с жидким щадящим сердце кофе, снова выглянул во двор, на машину. Нервы... Они давали себя знать.

* * *

Когда же начались эти неприятности?

Да, Владимир Петрович хорошо помнил тот день. С утра он посадил жену, сопровождаемую очередной приживалкой, в мягкий вагон скорого поезда. Как только он прибыл в офис, строго в назначенное время порог его кабинета переступил некто Виктор Степанович Сайкин. Этот посетитель, настоятельно рекомендованный критиком Березиным, к мнению которого по старой памяти Крыленко прислушивался, произвел впечатление уверенного в себе бизнесмена новой волны, от литературы весьма и весьма далекого.

Твидовый пиджак спортивного кроя, не покупной, как отметил опытный Крыленко, шит у дорогого портного. Прекрасные брюки, цветастый, галстук. Владимир Петрович, любивший и умевший одеться, замечал и ценил это умение в других людях. «Да, солидный бизнесмен», – про себя отметил Крыленко.

Начинающие писатели так не одеваются. Внешним видом этого Сайкина Владимир Петрович был несколько удивлен. Правда, этого посетителя ему рекомендовали не только как начинающего прозаика, принесшего на высокий суд свой опус, но как довольно известного предпринимателя, бизнесмена с репутацией в деловых кругах. «Вообще-то настоящий бизнесмен не оставляет в своей жизни места писательскому труду. Или то, или другое – это аксиома», – думал Крыленко. Его богатый опыт, безошибочная интуиция не допускали совмещения большого бизнеса и литературы.

Видимо, критик Березин стареет, принял человека с деньгами, из шальной прихоти ставшего графоманом, за литератора. Он так и сказал в телефонном разговоре: «Володя, прошу тебя по дружбе, отнесись к нему очень внимательно. Я читал его прозу, это добротная литература. Виктор Степанович – очень серьезный литератор, своеобразный, со своим языком».

Крыленко опустил трубку раздраженным: только самородков со своим языком ему не хватало. Этот старый чудак Березин неисправим, думает, Крыленко не деньги делает, а только и ждет, когда очередной непризнанный гений принесет ему свой шедевр. Гении не знают дорогу в его офис, и делать им здесь нечего, никто их сюда не зовет. Пусть сперва сделают себе коммерческое имя. Где-нибудь на стороне. Но отказывать Березину он не стал, старый хрен еще мог пригодиться, с его мнением считались всякие высокопоставленные чинуши от литературы. Конечно, на чиновников Крыленко плевать хотел, сейчас не прежние времена, но все-таки, все-таки...

Этот Сайкин много улыбался, сыпал какими-то шутками, потом вдруг стал серьезным, щелкнул замками кейса, вытащил на свет сброшюрованную рукопись в сером переплете и положил на стол перед собой. Он заявил, что мечтает увидеть издателем своих скромных литературных опытов именно Крыленко, о котором много наслышан.

В этом месте Сайкин как-то двусмысленно криво заулыбался и вдруг подмигнул Владимиру Петровичу. Панибратские отношения с совершенно незнакомым бизнесменом, впервые переступившим порог его кабинета, показались в эту минуту просто невообразимой дикостью. Сайкин вертел рукопись и так и эдак, гладил серый переплет ладонью, листал страницы, но почему-то в руки Крыленко не давал.

Выдержав артистичную паузу, Сайкин сказал, что отобрал и принес на суд уважаемого Владимира Петровича наиболее интересные с его, автора, точки зрения, рассказы и хотел бы видеть эти рассказы изданными вместе, в твердом переплете на бумаге офсет номер один. Впрочем, качество бумаги не столь важно. Тираж можно для начала небольшой, тысяч пятьдесят.

Столь самоуверенные, даже наглые заявления Крыленко не доводилось слышать даже из уст литературных мэтров. Здесь, в его кабинете, даже именитые литераторы не диктовали своих условий, а находились в положении просителей, это считалось нормой человеческих отношений. Крыленко откашлялся и слегка осадил самоуверенного посетителя: «Как я понимаю, вопрос об издании вашей книги в издательстве „Прометей-Европа“ пока вообще не стоит. Я просто сделал любезность нашему общему знакомому, пообещал рассмотреть вашу рукопись – и все. На этом мои обязательства заканчиваются».

Крыленко наблюдал, как его гость сразу же умерил свой аппетит и завел пространный, совершенно бессмысленный разговор о нелегком писательском труде.

«Муки творчества – они ведь болезненны, – говорил он. – Рождение каждой вещи для меня не только нравственный труд, но и сомнения, бесконечные сомнения. Могу ли я сказать людям то, что они ждут от меня? Эта мысль, знаете ли, не дает покоя, не отступает». Сайкин сыпал эту словесную шелуху, а Крыленко время от времени благосклонно склонял голову, его не оставляло впечатление, что гость кривляется в свое удовольствие. Наконец, Владимир Петрович, наслушавшись пустых словесов Сайкина и слегка раздраженный манерами гостя держаться вызывающе, развязно, начал подводить черту под затянувшимся разговором.

Крыленко объявил, что с удовольствием прочтает вещи Сайкина и при следующей встрече выскажет свое мнение. Услышав эти слова, Сайкин поднялся с места и церемонно передал рукопись Крыленко. Полистав сброшюрованные страницы, Владимир Петрович добавил: «Вас рекомендовали мне как бизнесмена с именем. Творческие и деловые качества в человеке сочетаются редко, поэтому познакомиться с вами было интересно. Так вот, перейду на язык практический. Наше издательство, как правило, публикует известных зарубежных авторов. А что пользуется спросом – сами знаете. Тираж реализуем постоянным оптовым покупателям. Нет никакой уверенности, что они заинтересуются вашей прозой. Решительно никакой уверенности, – Владимир Петрович горестно развел руками. – И здесь я не в силах что-либо изменить. – Крыленко выдержал паузу. – Это обсуждению не подлежит».

«Все подлежит обсуждению. – Сайкин посмотрел на него тяжелым взглядом, оставив давешнюю легкомысленную манеру разговора. Но уже через минуту снова заулыбался. – Видите ли, я писатель плодовитый, хочу, чтобы все мои вещи увидели свет», – Сайкин говорил то ли серьезно, то ли шутя. Наконец, назойливый посетитель откланялся, получив обещание Крыленко дать свой отзыв о рукописи дней через десять.

После ухода гостя Владимира Петровича долго не оставляло беспричинное чувство тревоги. Он, оставаясь в кресле, перелистывал рукопись, даже пытался читать, но не мог сосредоточиться. Позже засосала повседневная рутина дел, и он вспомнил о существовании своего нового знакомого только вечером, когда дома раскрыл кейс и увидел в нем серый переплет рукописи.

* * *

Крыленко пил кофе и думал, что вчера прочитал последний рассказ этого хама Сайкина, с визита которого начался отсчет неприятностей издателя. Конечно, это лишь стечение обстоятельств, игра случая. Однако ясно и другое, встреча с Сайкиным удачи Крыленко не принесла.

Теперь, когда рукопись добросовестно прочитана, можно вразумительно, доходчиво ответить автору: нет, ваши писания нам не подходят. В общем-то, чтобы понять, что рукопись не подходит, не требовалось читать ее до конца, два-три рассказа – не больше. Но Владимир Петрович отчасти по добросовестной привычке доводить дело до конца, отчасти из человеческого и профессионального любопытства, прочитал все рассказы. Наливая вторую чашку жидкого кофе, он думал об этой рукописи. От этих мыслей Крыленко отвлекла трель телефона.

Он пошел в кабинет к аппарату. Телефонная трубка помолчала на настойчивые «але», потом вежливым голосом осведомилась, пойдёт ли Владимир Петрович на футбол. Тут же раздались щелчки и гудки отбоя. Крыленко, раздраженный, бросил трубку. Эти звонки продолжались уже несколько дней кряду, анонимные оппоненты или бросали трубку или задавали совершенно бессмысленные идиотские вопросы, не дожидаясь ответа, нажимали на рычаг. Владимир Петрович, не видя иного выхода, днями собирался на телефонный узел с требованием сменить ему номер.

Рукопись Сайкина лежала на письменном столе, и Владимир Петрович мысленно вернулся к ней. Почему-то стиль автора, писательская манера, весьма своеобразная, показались Крыленко знакомыми, словно когда-то, очень давно, он уже читал этого автора. Конечно, такого быть не может, просто память с годами все чаще подводит, обманывает. Владимир Петрович отхлебывал кофе небольшими глотками и представлял, с каким удовольствием скажет свое «нет» этому самоуверенному Сайкину.

Он объяснит, что успех книги представляется более чем сомнительным. Именно сомнительным. На подобную прозу читательский спрос невысок. Ну, чтобы подсластить горькую пилюлю, он скажет и утешительные слова. Дескать, лично я получу глубокое эстетическое удовольствие, тронули характеры персонажей, но вот читательская масса пока не готова к восприятию такой прозы. Что-нибудь в этом духе сказать надо – дипломатия. Кстати, натяжки в этих словах не будет, так оно и есть, на свой лад рассказы не плохи. Но сам Владимир Петрович уже не молод, чтобы заниматься созданием литературных звезд. Слишком долго ждать, пока звезда засияет и засияет ли вообще – еще вопрос.

Но последний рассказ сборника, дочитанный уже ночью, запомнился и, в общем, понравился Крыленко. Назывался он «Ночные маневры» и повествовал о том, как человек сходит с ума от одиночества. Самое страшное для героя рассказа, еще относительно молодого мужика, вдовца, комиссованного подполковника авиации, остаться наедине с самим собой. Нет детей, родственников, у бывших сослуживцев свои заботы, они быстро забывают отставника.

А он бесится в своей квартире, стараясь чем-то заполнить душевную пустоту. Рыбачит, читает подряд все газеты и все острее чувствует свою потерянность в мире. Он сближается с соседом, придурковатым юнцом, безотцовщиной, который тянется к внешне сильному летчику. Парень, такая же одинокая душа, готов часами слушать байки о слепых полетах, затяжных прыжках с парашютом и других подобных разностях, выдуманных и происходивших в самом деле, он начинает подражать походке, манере говорить бывшего летчика, ставшего для него живым воплощением мужественности.

Но общества подростка летчику не хватает, его энергия рвется наружу и не находит применения, часы одиночества мучительны, он томится в поисках дела, которое бы отняло все его время, все силы без остатка. Попытки устроиться продавцом в табачный киоск оканчиваются неудачей. Тогда бывший летчик начинает собирать, клеить пластмассовые модели самолетов и скоро превращает свою квартиру в аэродром, но одиночество не проходит.

Однажды его посещает мысль, что, начнись сегодня или завтра война, постигни город глобальное стихийное бедствие, люди, живущие с ним под одной крышей, окажутся совершенно не готовы к экстремальным событиям. Он удивился до глубины души, почему эта простая и вместе с тем очень глубокая мысль не приходила к нему раньше. Постепенно идея беззащитности человека перед силами войны или стихии захватывает сознание полностью, и он начинает действовать.

Летчик ходит по кабинетам чиновников, просит военкомат и муниципалитет помочь ему в организации секции гражданской обороны по месту жительства. Но чиновники смотрят на летчика, как на сумасшедшего. Такое пренебрежительное отношение районного руководства только усиливает его страхи за людей. Значит, решает он, нужно действовать самому. Стараниями бывшего летчика и его юного друга подвал дома переоборудуется в некое подобие лек-

тория, где местные малограмотные старухи от нечего делать, сидя на самодельных скамейках, выслушивают его бесконечные наставления о том, как спастись в обстоятельствах чрезвычайных.

Пользуясь старыми связями, летчик достает в воинской части партию списанных противогозов и ходит по дому, выдавая их жильцам под расписку и обстоятельно инструктируя каждого, как пользоваться этим средством индивидуальной защиты. При инструктаже неизменно присутствует юный сосед-недотепа, сделавший противогоз, танкистский шлем и летные очки неизменными предметами своего туалета.

Вечерами старый и малый обсуждают прошедший день, рассуждают, как лучше превратить подвал в надежное бомбоубежище, спорят друг с другом, что опаснее для жизни людей, радиационное облучение или сила взрывной волны. В такие минуты жизнь кажется им наполненной до краев, смысл ее не подвергается сомнению, а одиночества как и не бывало. Бывший летчик и придурковатый пацан планируют объявить в доме ночную учебную тревогу.

* * *

Вернувшись на кухню, Крыленко допил кофе и позволил себе сигарету, такую сладкую после первого завтрака. Он услышал глухой металлический звук, это стукнула крышка почтового ящика на входной двери. В этом доме почтальоны еще разносили корреспонденцию по квартирам.

Крыленко, обычно просматривавший свежие газеты в офисе, на этот раз подумал, что несколько свободных минут еще осталось и можно бы полистать прессу сейчас. В ящике лежали три газеты и один толстый журнал, опоздавший с появлением на свет аж на три месяца. Владимир Петрович аккуратно вытащил все это из ящика и по пути в кабинет пробежал заголовки на первой полосе одной из газет. В кабинете он устроился в глубоком кожаном кресле и развернул первую газету. В центре второй полосы он увидел портретный снимок мужчины с приятными чертами лица.

В газетном портрете Крыленко без труда узнал Сайкина, встреча с которым была назначена на вторую половину сегодняшнего дня. Портрет излучал самодовольство. Самодовольство веяло и от заголовка интервью, помещенного под снимком: «Я улыбаюсь жизни».

«Да, этот Сайкин, безусловно, не так прост, – подумал Владимир Петрович. – Строит из себя рубаху-парня, жизни он улыбается, а самому пальцы в рот не клади, нет, не клади. Интересно, во что обошлась ему публикация этого опуса?» Замечая свое, казалось бы, беспричинное раздражение и до конца не отдавая себе отчета, почему самодовольная физиономия Сайкина на газетной странице вызывает отрицательные эмоции, Крыленко начал читать интервью.

Так и есть, одно пустозвонство, самореклама, не более того. Знакомя читателей с Сайкиным, журналист, не брезгуя восклицательными знаками, расписывает своего героя, как предпринимателя новой волны, призванного изменить к лучшему жизнь страны, а значит, переустроить быт людей.

Одна из ближайших целей Сайкина – реализация крупного проекта строительства домостроительного комбината. Герой интервью осуществляет проект собственными силами, без всякой финансовой поддержки извне, без помощи государства. Цель «предпринимателя нового поколения» – обеспечить дешевым индивидуальным жильем и квартирами всех желающих, по мере сил утолить жилищный голод. «Да уж, цель благая, нашелся наконец-таки Альтруист с большой буквы, – думал Крыленко, внимательно проглядывая газетные строчки. – Что он, интересно, дальше запоем?»

Владимир Петрович даже закурил вторую сигарету, хотя ограничивал себя в табаке в первой половине дня, не уставая повторять знакомым, что утреннее курение, когда организм

еще до конца не проснулся и не может оказать сопротивление вредным веществам, особенно вредно.

Отвечая на вопросы корреспондента, Сайкин заявил, что его цель не делать деньги ради денег, а вкладывать капиталы в важнейшие, с его точки зрения, социальные программы, облегчающие жизнь своих сограждан. Весьма умеренно и безадресно покритиковав дельцов, строящих личное благосостояние на тяготах народа, Сайкин ловко свернул с этой скользкой дорожки и, сменив тему, заговорил о своих личных пристрастиях и увлечениях. Как выяснилось, уже давно и серьезно он увлечен современной прозой.

Нет, он не просто рядовой читатель, из-под пера Сайкина вышел целый ряд повестей и рассказов, главным героем которых стал наш современник с его стремлениями и чаяниями, сложным внутренним миром. «Боже мой, что за стремления и чаяния у его героев? – думал Крыленко, глубоко затягиваясь сигаретой и вспоминая двух придурков из „Ночных маневров“. – Поднять среди ночи мирно спящий дом, устроить, как в казарме, учебную тревогу. В этом чаяния? Это их сложный внутренний мир?»

«К сожалению, – продолжал Сайкин, – в условиях, когда направление движения литературы во многом определяют не вкусы и запросы нашей читательской аудитории, на мой взгляд, очень высокие, а сиюминутные интересы дельцов, моим произведениям выход в свет заказан». Далее Сайкин, поругав этих самых дельцов, делающих деньги на коммерческой прозе и формирующих низкий вкус молодежи, закончил интервью на оптимистической ноте. Он сказал, что верит в возрождение интереса к современной русской литературе, чистой и незамутненной, и тому уже есть хорошие знаки. «Какие такие знаки?» – все более раздражаясь, думал Крыленко.

По Сайкину выходило, что некоторые из далеко мыслящих издателей, набравших силу на суррогатном молоке бульварной западной литературы, теперь поворачиваются к русским писателям. Вот издательство «Прометей-Европа», еще недавно проявлявшее интерес исключительно к зарубежным авторам, сегодня готово смело взяться за издание его, Сайкина, прозаических произведений. С руководством «Прометей» якобы достигнута об этом предварительная договоренность. И это хорошо, такая тенденция обнадеживает.

Не веря своим глазам, Крыленко перечитал абзац и, откинувшись на мягкую спинку кресла, выронил газету из рук и застонал. Посидев минуту неподвижно, он поднял газету. Так и есть, с издательством достигнута предварительная договоренность о публикации прозаических произведений Сайкина. И слово-то выбрал «произведения», ни больше, ни меньше. Живой классик.

В заключение корреспондент желал Сайкину творческих успехов, а тот обещал оправдать ожидания читателей. Как будто читатели что-то ждали от него.

* * *

Крыленко вскочил с кресла и принялся ходить взад-вперед по кабинету.

Возмущал не только самоуверенный, даже наглый тон газетного материала, прямая речь Сайкина, скрытые и откровенные упреки в адрес издательства «Прометей». Оно-де грело руки на низких вкусах определенной части читателей, навязывало им вместо большой литературы низкопробный суррогат – все это читалось между строк. А вот теперь издательство – уж совсем непонятно почему – решило повернуться к тем литературным вершинам, которых достиг никому не известный Сайкин.

Какая чушь, какая непроходимая темнота в сочетании с наглой амбицией. Владимир Петрович заскрипел зубами. А он-то сам хорош, сначала принял этого выскочку, самоуверенного болвана, думал, Сайкин солидный бизнесмен с маленькой слабостью к литературе, прости-тельней человеку с большими деньгами. Прожить жизнь и так ошибаться в людях, нет, это непростительно. И зачем нужно было Сайкину врать корреспонденту, что его рассказы готовы

издать в «Прометее»? Безответственная ахинея – и только. Крыленко в их разговоре и словом не обмолвился ни о каком издании, не выписал ни одного векселя. Взял рукопись, чтобы с ней ознакомиться – только и всего.

Ну ладно, он припомнит этому выскочке мифическую договоренность об издании его рассказов, живо поставит его на место. Разговор еще впереди, этот разговор будет коротким и жестким. В память Сайкина он врежется. Но Березин, рекомендовавший этого хама... Хорош Березин. Откуда он только выкопал этого с позволения сказать писателя, почему в нем заинтересован? Вот уж подложил Березин свинью, спасибо. Владимир Петрович хотел было достать из пачки еще одну сигарету, но подумал, что слишком разволновался, хотя серьезного повода, если разобраться, нет. Мало ли какие иллюзии могли возникнуть после их разговора у Сайкина.

Ну, принял человек желаемое за действительное и теперь звонит во все колокола. А газета, что с нее взять, кто в наши дни серьезно воспринимает эту печатную чепуховину? Сегодня напишут одно, завтра другое. Нет, не стоит так волноваться по пустякам. Просто нервы в последние дни пошаливают. Да и немудрено, окружающие словно сговорились все делать ему назло.

Тут и покалеченная автомашина, тайная гордость Владимира Петровича, и совершенно неожиданный, подлый уход домработницы в то время, когда ее присутствие в доме так необходимо, и эта неприятность с неизвестно как исчезнувшими из канцелярии документами, изматывающие душу анонимные звонки, наконец, Сайкин с его рукописью и наглое интервью «Я улыбаюсь жизни».

Можно, конечно, пустив в ход свое влияние и связи, ответить Сайкину через газету, публично поставить его на место. Можно и так поступить, но Крыленко не глуп, чтобы ввязаться в публичные дразги, нет, он не глуп. Собираясь на службу, Владимир Петрович бросил в кейс сброшюрованную рукопись Сайкина, испытал неприятное ощущение от одного лишь прикосновения к ней.

* * *

Пройдя в спальню, он, надев однотонную рубашку, бежевый, очень молодивший его полуспортивный пиджак, достал из внутреннего кармана бумажник, чтобы отсчитать и оставить на кухонном столе деньги на карманные расходы Сергея. Еще не раскрыв его, чуткий Крыленко заметил, что бумажник немного похудел.

Недоброе предчувствие мелькнуло и тут же исчезло как тень – взять деньги из бумажника некому. Крыленко расстегнул металлический клапан, в левом отделении лежало несколько крупных рублевых купюр, в правом долларовые банкноты. Он вынул и сосчитал рубли, все на месте. Пачка долларов оказалась тонкой, так и есть, не хватало десяти двадцаток. Памятливый на деньги Владимир Петрович вздохнул и засунул бумажник на место, стараясь вспомнить, не перекладывал ли деньги в другое место.

К долларам он не прикасался с тех самых пор, как рассчитался с армянами за автомобильные стекла. Может, домработница прихватила соблазнительные зеленые бумажки, покидая место? Нет, в воровстве Людмила Павловна никогда замечена не была. Так кто же взял деньги?

Крыленко не хотелось сознаваться себе в этом, но украсть доллары мог только Сергей и, скорее всего, сделал это нынешней ночью, когда Владимир Петрович, сомлев от снотворного, спал в своем кабинете. Сергей, вернувшись домой за полночь, вошел в спальню и, не спеша, без помех покопался в карманах отца. Крыленко решил не поднимать шума сейчас, подождать до вечера и серьезно поговорить с сыном.

Он снова вытащил бумажник, отсчитал деньги на расходы Сергея и, выйдя на кухню, положил их на стол. Пусть думает, что пропажа долларов пока не обнаружена, мерзавец этакий. Все решили его доконать, даже собственный сын вбивает очередной гвоздь в крышку отцовского гроба, мразь, какая мразь. Ни в чем не знает отказа, и все равно тянет поганые свои руки к отцовскому кошельку.

Владимир Петрович слышал, как в ванной комнате из крана льется вода, значит, Сергей поднялся. Крыленко подхватил кейс, собираясь уходить, но тут щеколда в ванной повернулась, и в кухню вошел Сергей с мокрой головой и полотенцем через плечо. Крыленко посмотрел на него внимательно, неприятно поражаясь тому, как болезненно бледно лицо сына.

Он поздоровался с Сергеем ровным голосом и, не произнося больше ни слова, пошел к двери, гадая, почему Сергей так бледен. Злость на сына уступала место беспокойству за него. «Сегодня нужно обязательно позвонить доктору, пусть осмотрит парня», – подумал он на ходу.

Глава 6

Сайкин прохаживался вдоль высокого глухого забора от ворот к гаражу и обратно.

Час назад закончился дождик и стриженная машинкой ровная трава, местами поредевшая, с серыми земляными проплешинами, была еще сыроватой. Сайкин часто останавливался, с видимым удовольствием вдыхал свежий, казавшийся густым от влажности воздух и снова мерил шагами расстояние от ворот до гаража. Ворота были распахнуты настежь, и их створки слегка колебал ветер, налетавший внезапными порывами. Этот ветер гудел в вершинах сосен, даривших этой дачной местности свое неповторимое очарование, пропитавших воздух смолой и хвоей.

Сквозь редкие стволы деревьев двухэтажный особняк красного кирпича с двумя верандами по сторонам, крытый черепицей, выглядел удивительно живописно. Прогуливаясь, Сайкин поглядывал на этот чудесный дом и мотал головой. Нет, не думал он, что с этим домом, с которым за короткое время своего владения уже успел связать столько надежд и планов, придется вот так расстаться.

Он отфутболил в сторону попавшуюся на пути крупную шишку. Нет, не думал он, что так будет. Купленный на аукционе дом перепланировали и перестроили изнутри, вместо шифера покрыли прочно вошедшей в моду черепицей. Комнаты обставили мебелью, расширили, переложили камин. Эх, не было этого дома у Ларисы, не вошла она сюда хозяйкой – значит, не судьба, и думать об этом не стоит.

Перед домом на садовой скамейке с высокой спинкой сидел Семен Дворецкий. Загорелый после отдыха на юге, он откинулся назад, вальяжно вытянул ноги и смотрел в небо. Семену, похоже, эта история с продажей дома тоже была не по душе, хотя на его лице эмоции не читались. Сайкин крикнул Дворецкому, чтобы подошел. Тот быстро поднялся и с проворством, не вязавшимся с этой тяжелой фигурой, подбежал к Сайкину.

– Там дрова в гостиной сложены, – сказал Сайкин. – Давай затопи камин, по быстрому.

Цена на особняк обговорена, с покупателем уже ударили по рукам и торговаться, как мелкому лавочнику, сейчас несолидно, тем более с этим малосимпатичным Олегом Меркуловым. Остается подписать бумаги, подготовленные юристом Сайкина, Бронштейном, и рассчитаться.

Сайкин достал сигареты и, мигнув зажигалкой, затянулся горьковатым дымком. Он посмотрел на часы.

Не стоило приезжать раньше назначенного времени и устраивать эту тягостную, совершенно ненужную сцену прощания с домом. Он посмотрел на небо и увидел, как сквозь жидкий занавес туч проглядывает солнце. Ветер запутался в верхушках сосен, стало вдруг совсем тихо. На стволах деревьев проступали подтеки янтарной смолы. Сайкин вздохнул и подумал, что для полной идиллии не мешает отменить сегодняшнюю сделку, а там можно и природой наслаждаться. К сожалению, дать задний ход уже невозможно.

Сайкин бросил окурок за забор и прислушался, показалось, гравий шуршит под автомобильными покрышками. Оказалось, ветер, неожиданно усилившись, гуляет между деревьями. До приезда Олега Меркулова было еще время, и Сайкин пошел к дому взглянуть на камин. Он медленно шел по узкой дорожке, вымощенной серыми плитами, и думал, что нужно бы эту дорожку расширить, посадить вдоль нее декоративный кустарник и сделать подсветку, расставив металлические фонарики. Теперь, возможно, этим займутся другие люди.

Сегодня Сайкин спросил своего юриста Бронштейна, неужели нельзя найти более порядочного человека, чем Меркулов. Продавать дом сутенеру душа не лежала. Бронштейн сказал, что с его точки зрения, Меркулов самый порядочный из возможных покупателей, потому что дает самую высокую цену и не торгуется. Скорее всего, этот Меркулов превратит этот прекрас-

ный особняк в элитарный публичный дом для состоятельных клиентов. Его дело, он теперь здесь хозяин.

Нет, не он, поправил себя Сайкин, пока еще хозяин здесь не Меркулов. Сайкин вздохнул, Олег Меркулов станет здешним хозяином уже через час, если не опоздает к назначенному времени. Сайкин взошел на крыльцо и с его высоты еще раз осмотрелся вокруг. Благодать, райский уголок всего в полчаса езды от Москвы.

В комнате было сухо, сосновые дрова уже потрескивали в камине. Небольшую аккуратную поленицу Семен сложил перед каминной решеткой. Сейчас Дворецкий, освещенный языками пламени, сидел на корточках перед огнем, подкладывая дрова.

* * *

Лев Исаакович Бронштейн поместил свое короткое толстое тело в глубокое цветастое кресло перед журнальным двухъярусным столиком, на котором белели документы. Глаза юриста туманились воспоминаниями. Накануне он посетил заведение Меркулова «Вика», чтобы ознакомить того с актом купли-продажи и другими сопутствующими бумагами, и, похоже, до сего времени находился под впечатлением от этого визита.

Сайкин устроился в парном цветастом кресле и попросил Дворецкого организовать кофе. Бронштейн сидел молча, уставясь на камин маленькими плотоядными глазками. В этих глазках, как показалось Сайкину, плясали дьявольские огоньки, лысина источала золотистый дорогой блеск. Было слышно, как Семен гремит посудой на кухне.

– Знаешь, Виктор Степанович, когда я был по-настоящему счастливым человеком? – неожиданно спросил Бронштейн, не отрывая взгляд от огня.

– В прекрасной молодости, наверное, – ответил Сайкин бесцветным голосом, зная ностальгическую слабость своего юриста по ушедшим годам и особенность вспоминать былое к месту и не к месту.

Бронштейн мечтательно вздохнул, как видно, огонь действовал на него завораживающе. Толстыми пальцами в золотых перстнях он откуда-то вытащил носовой платок и прочистил нос.

– Я вернулся из армии, к себе на родину, работал на металлургическом комбинате в горячем цеху. У меня не было ничего, кроме рабочих рук и желания жить. Вокруг бедность такая, что словами этого не передать. Но у меня была молодость, во мне бродили такие жизненные соки, что, казалось, я все смогу и все осилю. Но я еще не заглядывал далеко, еще не лез в эту драку за бытовые блага, всерьез ни о чем не думал. Работал, занимался вольной борьбой, по праздникам выпивал. Я возвращался после смены и думал, какую девку сегодня трахнуть. И был счастлив.

Он обследовал пальцем, обмотанным в платок, правую ноздрю.

– Теперь у меня кое-что есть, я забыл о бедности. Но вот соки молодости уже перебрали в укус, – шлепнул Бронштейн себя ладонями по толстым ляжкам.

– Трудно угадать твое пролетарское происхождение, – заметил Сайкин.

– Вышли мы все из народа, даже евреи, – сказал юрист с досадой. – Ты ведь, Виктор Степаныч. Не об этом речь веду. Замечаю за собой все меньше желаний – вот это и обидно. Вчера у Меркулова была одна дамочка, достойная внимания, но вот позывов к сближению я за собой так и не заметил. Очень это огорчительно. Когда земные желания заменяет абстрактная философия, это и есть старость.

Сайкин посмотрел на своего юриста с интересом.

– Слушай, что-то не так, если ты заводишь эту нудную пластинку о потерянных желаниях. Скорее ты возможность потерял, не желание. А ну-ка рассказывай, что вчера было в этом борделе у Меркулова? Семен, иди сюда, послушай, что нам Лев Исаакович расскажет.

В дверях появился Семен, держа перед собой поднос с чашками. Сдвинув бумаги в сторону, определили поднос на журнальный столик. Семен подвинул себе тяжелый деревянный стул, выполненный в нарочито грубом псевдокрестьянском стиле, уселся на него и с интересом посмотрел на слегка смущенного Бронштейна. Юрист опустил глаза в чашечку с кофе и долго с показным интересом размешивал ложечкой сахар.

– Ну, Лев Исаакович, не тяните из меня жилы, расскажите, что там все-таки было у Меркулова, – взмолился Сайкин. – Будьте хорошим мальчиком, расскажите.

Бронштейн, наконец, перестал терзать ложечку. Он взял чашку и глотнул кофе.

– Честное слово, ничего особенного. Принес Меркулову бумаги. Я, знаете ли, первый раз в таких заведениях. Раньше и представления не имел, как выглядят современные бордели. С возрастом я не утратил, не растерял некоторые старомодные понятия, иллюзии. Я юрист, но, несмотря на это у меня есть совесть. Может быть, я последний юрист в этом городе, у которого есть совесть.

– Не отвлекайтесь, Лев Исаакович.

– Места греховной любви виделись мне совершенно иными. Нет, не романтические сейчас времена, все предельно утилизировано. Вульгарщина, примитивизм каменного века. Даже хуже. В большой обычной квартире, в обычном доме сидят на продавленных диванах девочки, как курицы на насесте, ждут звонков от клиентов, потом выезжают к ним на дом. Диспетчерская, и только. Топчутся кормленные бугаи, шоферы и телохранители, как их там называют, пьют чай, базарят. За версту прет конюшней. Бумаги Меркулов подмахнул, я складываю их в портфель, собираюсь уже откланяться. А он хочет меня облагодетельствовать, так ему наша сделка нравится. Короче, Меркулов выходит и возвращается в компании такого неземного существа, которому в этом стойле совсем не место.

Руки Бронштейна очертили в воздухе несколько параболических линий.

– Нежное создание, еще не стяхнувшее золотую пыльцу юности. Блондинка, искушенность которой выдают только пухлые губы и весьма зрелые формы. Угадал Меркулов мою слабость, эх.

Бронштейн поднял чашку и пригубил кофе. Бронштейн послал воздушный поцелуй противоположной стене.

– Она подает руку, опускает свои небесные очи: «Меня зовут Лиля». И садится на самый уголок дивана, как овечка, которую злой циник Меркулов привел мне на заклятие. Боже мой, я даже забыл о запахе пота, которым пропиталось это заведение, я волнуюсь, я чувствую вкус жизни. А Меркулов сидит и наблюдает, подлец, какой эффект производит на меня эта Лиля. Я беру себя в руки и киваю ему, мол, подходит.

– Значит, проехали на дармовщинку, – вставил Семен.

– Мы с Лилей отправились на ту квартиру на Котельничской набережной, которую я снимаю, – Бронштейн самодовольно усмехнулся. – Вообще, сели в мою телегу, поехали. По дороге я только из вежливости поинтересовался ее житем, а она, видно, приняла меня за попа, которому надо исповедоваться. Начала рассказывать, что копит доллары на квартиру, а Меркулов со своими громилами забирает почти все деньги. Потом начала рассказывать, что Меркулов импотент. Типичная ненависть пролетария к своему работодателю. Наконец, ее откровенность дошла до того, что она, хихикая, рассказала о том, как Меркулов учил ее орать в голос, симулируя оргазм. Вся эта гнусь окончательно испортила мне настроение, и еще с полдороги хотелось отвезти ее обратно.

– Не оправдывайтесь, – Сайкина веселил рассказ юриста. – Никто из нас не застрахован от неудач. Что вы, в самом деле, так переживаете? Относитесь ко всему философски. Так что там дальше было?

– Отпустил ее с Богом. Пальцем не тронул. Только попросил массаж спины сделать, хоть этому ее Меркулов научил. А то спина болит, особенно когда за рулем долго сижу.

– Вы, Лев Исаакович, скажите, как это ваша Ира с ее поразительным женским чутьем до сих пор не заподозрила вас в неверности? – спросил Сайкин.

– Существует множество способов притупить нюх моей старухи, так сказать, усыпить ее бдительность. Жена твердо уверена, у меня нет любовницы хотя бы потому, что я редко меняю нижнее белье. Все это – маленькие семейные хитрости. Жена даже не допускает мысли, что у такого грязнули, как я, может быть любовница.

* * *

Сайкин обратил внимание, как за окном потемнело. Мелкие капли дождя быстро застучали по жестяному подоконнику, размытые силуэты вертикальных сосен менялись, стекали вниз, приобретали причудливые формы. Почудилось, что и в доме возник запах дождя и смешался с запахом свежей, местами непросохшей после ремонта олифы. Щелкали, разлетались в стороны угольки в камине, дом жил своей тайной и видимой жизнью. Сейчас, в короткую минуту вдруг наступившего душевного уюта, Сайкину особенно не захотелось расставаться с этим особняком.

– Ну и покупателя вы мне нашли, еще тот жук, – с внезапным раздражением сказал Сайкин.

– Виктор Степанович, не надо быть ханжой. – Глазки Бронштейна стали непроницаемы. – Никто вас не просит уважать бизнес Меркулова. Но человек он, доложу я вам, весьма способных, неординарный. Начинал с нуля, ничего не имел за душой, кроме одной судимости.

– Все мы когда-то с нуля начинали, подумаешь, самородок, мать его, – раздражение Сайкина не исчезало.

Семен составил посуду на поднос, спросил, будет ли кто кофе, и, получив отрицательный ответ, исчез с подносом. Сайкин вытащил из кармана пиджака и полистал небольшой блокнот, почитал свои записи и, не отрываясь от бумаги, обратился к Бронштейну.

– Вы, Лев Исаакович, конечно, не забыли о моей просьбе о покупке квартиры?

– Конечно, не забыл. – Бронштейн прислушался к звону посуды на кухне и звукам льющейся из-под крана воды.

Стало слышно, как Дворецкий закрыл воду и начал бесцельно слоняться по кухне, передвигая все попадавшиеся на глаза предметы. Звуки, извлекаемые Семеном из кухонной посуды, наконец, надоели Бронштейну, и он крикнул Дворецкому, что есть интересная газета. Семен вернулся в комнату, взял у Бронштейна номер и расположился на диване. Дождь продолжал скрестись о жестяной подоконник.

Сайкин встал, прошелся по комнате и открыл створку окна. Брошенный окурок затерялся в траве. Воздух в штрихах дождя колебался. Сайкин вдохнул влажный запах, закрыл окно и опустил шпингалет. Он подумал, хорошо бы выбраться за город на целый день, бесцельно побродить по лесу, развести костерок в ранних сумерках где-нибудь у реки.

Он вспомнил, как прошлым летом был на островах на Оке, как вечернее солнце нарисовало на воде от берега к берегу широкую золотую дорогу. Ночью в черной воде дрожали огоньки далеких бакенов. Тогда Лариса сказана, что никогда еще не была так счастлива, жизнь казалась совершенной. Наутро за ними пришла моторка. Отплыли уже прилично, когда вспомнили, что свернутую палатку в чехле оставили на острове и не стали возвращаться, решили, пусть достанется другим робинзонам.

Потом ели уху из щуки, приготовленную женой лесничего. Щука крупная, белое мясо легко отставало от ее костей. Рыба, против ожидания, совсем не пахла илом или речной травой. Лесничий в обмен на консервы отдал им две огромные щуки, разрезанные на куски и пересыпанные крупной солью.

Шишка, сорвавшись с ветки, громко стукнула по подоконнику и отлетела в сторону, Сайкин отвлекся от своих мыслей, вернулся к креслу и сел. Дворецкий подкладывал в камин сосновые чурки и мурлыкал песенку.

Дрова в камине потрескивали. Сайкин вспомнил, что в этом году так и не смог выбраться с Ларисой, отдохнуть день-другой на природе, хотя и обещал. И теперь не сможет, времени для лирических прогулок совсем не осталось. Мысли, войдя в обычную колею, вернулись к практическим вопросам.

* * *

Со вчерашнего дня в его сейфе лежала записка, подготовленная Бронштейном и специалистом по финансам Шамилем Юсуповым о деятельности издательства «Прометей-Европа». Сведения, которые удалось получить, в частности, через министерство внешнеэкономических связей, оказались весьма скудными, пользуясь ими, восстановить целостную картину деятельности издательства было непросто.

Фирма уже несколько лет искала выходы на мировой рынок со своей продукцией, издавая, правда, весьма скромными тиражами русских классиков на родном языке, фотоальбомы, книжки репродукций русских художников. Владимир Петрович Крыленко, глава фирмы, за последние два года восемь раз выезжал за рубеж и принимал участие в работе различных выставок и второстепенных издательских семинарах.

Неформальная цель поездок несколько прояснялась, если вспомнить о маршрутах Крыленко. Трижды – Англия, трижды – Швейцария. Фирма, в свое время преобразованная в акционерное общество с ограниченной ответственностью закрытого типа со скромным уставным капиталом, что и говорить, умела хранить свои тайны. Вчера Бронштейн и Юсупов в кабинете Сайкина лишь пожимали плечами и оправдывались тем, что на подготовку более подробной и обстоятельной справки о деятельности «Прометея» не хватило времени.

«И так ясно, что голыми руками этих ребят не возьмешь, придется попотеть, – резюмировал Бронштейн. – Конечно, можно придирается к мелочам. Налоги они платят не в полном объеме, так никто налоги не платит, как надо. Есть еще кое-какие мелочи, по нашим понятиям, но серьезного – ничего. Скоро поступят сведения из других источников, и нашу информацию можно будет дополнить. Но пока – ничего».

Юсупов согласился с Бронштейном, добавил только, что издательство переводит валюту за рубеж через коммерческий банк «Орбита». «Все на грани фола, но не за гранью, – сказал Шамиль. – Обычная практика. Деньги определяют на множество мелких счетов, потом делают два-три больших. Здесь нарушения есть, но ничего криминального». Ясно было одно, если пойти на шантаж Крыленко, имея недоказанные факты, по существу одни домыслы, он плюнет Сайкину в лицо. И правильно сделает. Юсупов попросил время, чтобы навести более подробные справки о «Прометее». Бронштейн долго отмалчивался и, наконец, разлепил губы.

«Поверьте старому еврею, этот ваш Крыленко давно обеспечил себя и своего единственного ребенка. Свой основной капитал он вывел из-под любого удара, так что бояться ему нечего. Но из этого не следует, что мы не сможем его прижать. Но у нас, как я понимаю, другие задачи. Я предлагаю преподнести Крыленко один неприятный сюрприз. Через своих людей в налоговой инспекции устроим этому „Прометею“ проверку финансово-хозяйственной деятельности. Проверка будет обычная, плановая, ни у кого не возникнет сомнений в ее целесообразности. Почти не сомневаюсь, что серьезных нарушений не обнаружат».

Сайкин согласился на предложение. И вправду, придраться к чему-нибудь всегда можно. Наконец, у работников инспекции могут возникнуть самые абсурдные на первый взгляд сомнения, например в подлинности документов о регистрации фирмы. Чтобы их подтвердить или

опровергнуть, потребуется время, и немалое. В любом случае, фактами или сомнениями сотрудники налоговики обязаны поделиться с городской прокуратурой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.